

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Т. А. Воронцова, Е. И. Голованова,
О. Н. Ковалева, С. А. Питина,
Е. В. Шелестюк

МИР ЯЗЫКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ВЗГЛЯД ИЗ СОВРЕМЕННОСТИ

Монография

Челябинск
Издательство Челябинского государственного университета
2021

УДК 811.161.1
ББК Ш12=411.2
М630

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Челябинского государственного университета

Рецензенты:

Е. В. Харченко, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка как иностранного
Южно-Уральского государственного университета
(национального исследовательского университета);
кафедра английской филологии и методики преподавания
английского языка Тюменского государственного университета

М630 **Мир языка и национальная культура: взгляд из современности** : монография / Т. А. Воронцова, Е. И. Голованова, О. Н. Ковалева, С. А. Питина, Е. В. Шелестюк. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. 240 с.

ISBN 978-5-7271-1730-9

В первой части книги представлен анализ особенностей русской культуры, отраженных в речевой коммуникации, языке, символах и ритуалах. В центре внимания находятся русский речевой этикет, культурные доминанты и ценностные представления через призму языковых единиц и текстов. Вторая часть монографии посвящена сопоставительному лингвокультурологическому изучению универсального и уникального в русской и англоязычных лингвокультурах, а также анализу концептосфер русской и англоязычной военной поэзии с применением автоматизированных методов. Книга адресована широкому кругу лиц, интересующихся проблемами сопоставительной лингвокультурологии и когнитивных исследований на материале неблизкородственных языков.

УДК 811.161.1'27
ББК Ш12=411.2,000

ISBN 978-5-7271-1730-9

© Челябинский государственный университет, 2021
© Воронцова Т. А., Голованова Е. И., Ковалева О. Н., Питина С. А., Шелестюк Е. В., 2021

ГЛАВА 4

Изучение концептосфер русскоязычной и англоязычной военной поэзии (с применением автоматизированных методов)

Введение

Целью данной главы являются выявление и оценка методологического потенциала применения концептуального анализа в исследованиях дискурса, например корпуса (свода, подборки) текстов, объединенных по какому-либо основанию, посвященных той или иной тематике, относящихся к определенному моменту времени, принадлежащих определенным авторам и т. п. Концептуальный анализ, в свою очередь, строится на автоматизированных SEO и кластерном анализе и последующем контекстуальном анализе текстов/высказываний с ключевыми словами. SEO-анализ позволяет выявить и анализировать ядерные, вспомогательные и периферийные концепты, актуализируемые в этих текстах, а кластерный анализ — группировать их в тематические/концептуальные поля.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью использования автоматизированных семантических методов для изучения текстов, объединенных временными и пространственными параметрами, однородных в плане содержания или тематически (например, отражающих определенные события и посвященных им), с тем чтобы выявить их концептуальный состав, иерархию концептов, когнитивные особенности восприятия неких предметных ситуаций их авторами. Количественно-качественный метод исследования, выявляющий повторение в ряде текстов определенных лексем и сочетаний лексем с последующей их интерпретацией избирается для исследования

концептуального состава достаточно разнородных, хотя и обладающих референциальным единством текстов. Данный метод позволяет определить психологическое состояние, установки, интересы, ценности индивидов, а также социальных групп и институтов.

Мы опишем методологию концептуального анализа текста в сопровождении одного из вариантов контент-анализа, состоящего из методов автоматизированного семантического анализа (SEO) и кластерного анализа (TextAnalyst). Методологию предваряет сжатое рассмотрение теории концепта (включая художественный концепт), концептосферы и концептуальных полей. Важнейшую, с нашей точки зрения, часть работы составляет анализ концептосфер советской военной поэзии, посвященной Великой Отечественной войне, и англоязычной военной поэзии, посвященной Второй мировой войне.

Цели исследования соотносятся с коммуникативными, когнитивными, психологическими и социологическими целями контент-анализа, которые в 1952 году выделил американский исследователь Б. Берлсон: описание тенденций в изменении содержания коммуникативных процессов; описание различий в содержании коммуникации в различных странах; сравнение содержания сообщений СМИ; выявление используемых пропагандистских приемов; определение намерений и иных характеристик участников коммуникации; определение психологического состояния индивидов и/или групп; выявление установок, интересов и ценностей (и, шире, систем убеждений и «моделей мира») различных групп населения и общественных институтов; выявление фокусов внимания индивидов, групп и социальных институтов и др. [Цит. по: Паршин URL]. Особо значимыми для нас являются две последние типичные цели контент-анализа: 1) на основе полученных данных реконструировать концептуальное восприятие советскими и англоязычными поэтами соответствующих событий, перспективу, ракурсы и фокусы видения, детализацию «фона», специфические концепты и прочие компоненты картины мира; 2) проанализировать и сравнить концептосферы поэзии разных стран, посвященной Второй мировой войне; сравнить и сопоставить концептуальный состав и признаки концептов в советской и англоязычной поэзии о Второй мировой войне.

В соответствии с целями выделим ряд задач: раскрыть содержание понятия «концепт»; произвести отбор поэтических текстов о Второй мировой войне; реализовать семантический

и кластерный анализ корпуса текстов с учетом частотности и семантического веса значимых лексических единиц; интерпретировать полученные результаты с помощью контекстуального анализа в сочетании с биографическими данными об авторах; произвести герменевтико-интерпретационный синтез данных; сравнить и сопоставить полученные лингвокультурологические данные; сделать когнитивно-лингвистические выводы.

Материалом исследования являются готовые подборки русскоязычной и англоязычной поэзии о Второй мировой войне. Существенно, что поэты, творчество которых мы анализировали, были участниками и свидетелями этих событий, а впоследствии отразили в поэзии свои установки, фокусы внимания и ценности.

Подборка «Стихи о войне 1941–1945 годов» редакции портала «Православие и мир» содержит стихи 15 известных и получивших общественное признание поэтов, отразивших события тех лет: А. Т. Твардовского, Р. Г. Гамзатова, К. М. Симонова, Ю. В. Друниной, А. А. Ахматовой, Б. Л. Пастернака, А. А. Тарковского, А. А. Суркова, Ю. Д. Левитанского, И. С. Забуги, Ю. П. Воронова, Вячеслава Попова, Петра Сидорова, Евгения Иванова, А. В. Пиневиича, Б. Ш. Окуджавы, В. С. Высоцкого. В подборке «К 70-летию Победы» представлены 73 автора, из которых мы взяли для анализа произведения таких авторов, как: С. С. Орлов, О. Ф. Бергольц, М. А. Дудин, Е. А. Долматовский, В. М. Гончаров, С. П. Гудзенко, М. И. Алигер, А. В. Софронов, С. С. Смирнов, В. С. Шефнер, И. В. Ганабин, В. С. Волков, И. В. Мартянов, В. А. Рождественский. В подборке «Стихи о Великой Отечественной войне» представлены 86 поэтов, мы подвергли семантическому анализу стихи Э. А. Асадова, М. Джалиля, М. А. Дудина, В. М. Инбер, М. В. Исаковского, И. П. Уткина, А. И. Фатьянова. В общей сложности нами проанализировано около 100 поэтических произведений советских поэтов, посвященных Великой Отечественной войне.

Для отбора англоязычной поэзии мы воспользовались материалами, представленными на репрезентативных сайтах Poetry Foundation и All Poetry. Наша методика селекции материала включала сплошную выборку стихотворений с 1939 по 1960 год. Нами рассмотрены стихи таких британских и американских

поэтов, как: Archibald MacLeish, Brenda Chamberlain, Charles Reznikoff, Denis Devlin, E. L. Mayo, Eve Merriam, Ewart Milne, F. R. Scott, Flora Hendricks, Helen Goldbaum, Henry Reed, Howard Nemerov, Jack Barrack, James E. Schevill, James L. Dickey, James Tate, Jeremy Ingalls, John Berryman, John Buxton, John Ciardi, John Jarman, John Pudney, Julian Symons, Karl I. Shapiro, Katherine Garrison Chapin, Len Baynes, M. Jean Prussing, Marion Strobel, Oscar Williams, Patrick Anderson, R. N. Currey, Randall Jarrell, Robert Graves, Robert Wistrand, Robinson Jeffers, Roy Fuller, Stephen Spender, Stephen Stepanchev, Thomas McGrath, Thomas Merton, Tom Walker, Vera Rich, Vernon Scannell, W. R. Rodgers, William E. Stafford, Yvon Winters. Всего в ходе исследования нами проанализировано 73 англоязычных поэтических текста указанного периода.

Для достижения цели и решения поставленных задач в исследовании использовался общенаучный и специальный методологический комплекс. В качестве базового общефилософского метода выбран диалектический, который, по Н. С. Болотновой, позволяет «рассматривать текст как системно-структурное образование, видеть за конкретным произведением личность автора и соответствующий этап в развитии литературного языка и художественного стиля, чтобы дифференцировать языковое и речевое, правильно соотнося общее и отдельное в языке писателя; анализировать язык произведения (форму) в тесной связи с его идейно художественными особенностями (содержанием)» [Болотнова 2009: 407]. Специальную научную методологию исследования образуют метод контент-анализа (конкретно его упрощенная разновидность — SEO-анализ, позволяющий разделить значимую лексику на центральную и периферийные части) и кластерный анализ (конкретно программа TextAnalyst). Особую роль играют контекстуальный и герменевтический (интерпретационный) методы.

Сначала при помощи автоматического семантического анализа была выявлена концептосфера корпуса советских и англоязычных поэтических произведений. Тексты были обработаны программой семантического анализа Istio (SEO-анализ), выстраивающей иерархию значимых слов на основе частотности, семантического веса и количества семантических связей. На основе этого была выделена лексика ядра (семантический

вес 20), ближней периферии (19–6) и дальней периферии (5–2) – макронуклеусы, нуклеусы, микронуклеусы, соответственно ядерные, вспомогательные и периферийные концепты.

В полученной семантической/концептуальной структуре было определено соотношение абстрактных и конкретных понятий. Среди абстрактных (обобщенных) понятий/концептов были выделены интеллективные, эмоционально-оценочные, духовно-символические; среди конкретных понятий/концептов – базовые (включая прототипы), архетипико-символические.

Затем с помощью автоматизированного кластерного анализа TextAnalyst семантические нуклеусы (основные лексемы) были классифицированы по референциальному (тематическому и фреймовому) принципу. В ядре концептосферы, ее ближней и дальней периферии был выделен ряд тематических и фреймообразующих лексем. Также была представлена иерархия этих лексем и семантико-синтаксических связей вокруг них. Таким образом были выявлены основные фреймы и тематические/концептуальные поля корпусов текстов.

Контекстуальный анализ означает демонстрацию контекстов актуализируемых концептов и их интерпретацию. В совокупности с образно-риторическим анализом контекстуальный анализ и интерпретация текста позволили нам сделать выводы о признаках и свойствах описываемых концептов, определить их оценку и ассоциативную сеть в репрезентации авторов стихов.

Теоретическая ценность работы заключается в том, что произведен концептуальный анализ советской и англоязычной военной поэзии, посвященной Второй мировой войне, выявлены особенности их концептуального состава, произведены сравнение и сопоставление их концептосфер, сделаны значимые выводы. Практическая значимость состоит в апробации метода анализа концептуального состава значительного корпуса одноплановых текстов с применением сочетания автоматических анализаторов SEO и TextAnalyst, выделения зон ядерной, ближней и дальней периферии, характеристики концептов и их вербализаторов.

4.1. От семантического к концептуальному анализу текста

В настоящее время содержательно-смысловое устройство художественного текста эффективно описывается в парадигме семантического пространства, которое, в свою очередь, предполагает совокупность концептуального, денотативного и эмотивного пространств [Бабенко 2005]. Анализ семантического пространства, семантической организации текста остается наиболее надежным и материально верифицируемым способом изучения текста. Важно, что изучение семантической организации текста одновременно преследует цель облегчить изучение всех аспектов содержания текста как знаковой системы, включая его синтактику (комбинаторику, игру языковых знаков в сочетании друг с другом) и прагматику (авторский коммуникативно-прагматический посыл).

В качестве единицы, кванта содержания текста наиболее подходящим представляется понятие смысла. Понятие смысла многозначно: это и сигнификат (интенционал и импликационал, содержание) знака (последователи Г. Фреге); и вербализованная мысль, выраженная автором в соответствии с мотивом, прагматической целью в ходе речевой деятельности (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев и др.); и культурно-символическая ассоциация понятия (например, Э. Бенвенист); и неявленный компонент содержания (пресуппозиция, импликация, инференция); и мультиплицирование сигнификатов по ассоциации, возникающее в контексте в результате взаимодействия форм и значений слов («сигнифициенция», или «игра означающих», по Р. Барту) [Балашов 1984].

В целом понимание смысла складывается в некую систему в зависимости от ракурса его рассмотрения: исходя из восприятия читателя/слушателя (ракурс адресата), исходя из порождения автором (ракурс адресанта), исходя из текста как такового (ракурс текста). В ракурсе адресата смысл предстает как значимая целостность, возникающая из совокупности значений слов и контекстов их употребления. Разнородные текстовые части сопоставляются и при этом типизируются

как номинация, как денотат (референт, экстенционал), наконец, как смысл (сигнификат, интенционал). Если рассматривать процесс с противоположного ракурса, то есть с ракурса адресанта, то смысл является продуктом установок, мотивов и категориальных конструкторов индивида: эти психические феномены порождают смыслы, затем индивид вербализует их, раскрывает их сущность с помощью языковых знаков, после чего эти смыслы воспринимаются непосредственным реципиентом. Если рассматривать смысл в ракурсе текста, то смыслы здесь проявляются как закрепившиеся в коллективном сознании вербализованные единицы содержания, циркулирующие в интертекстуальной коммуникации, претерпевшие репликацию и селекцию, зафиксированные в речи и языке в качестве лингвокультурных единств форм и значений [Keller 1994; Croft 2000].

Мы рассматриваем смысл как совокупность трех содержательных аспектов знакового явления (в нашем случае — высказывания/текста): семантики, синтактики и прагматики. Анализ семантического пространства, семантической организации текста остается наиболее надежным и материально верифицируемым способом изучения текста. Важно, что изучение семантической организации текста одновременно преследует цель облегчить изучение всех аспектов содержания текста как знаковой системы, включая его синтактику (комбинаторику, игру языковых знаков в сочетании друг с другом) и прагматику (авторский коммуникативно-прагматический посыл).

В представлении о семантической организации текста имеется понимание важности макрокомпонентов содержания текста. Если на раннем этапе своего развития стилистика акцентировала преимущественно истолкование стилистического применения языковых и малых речевых единиц текста, то смещение интереса к стилистике текста обусловило важность изучения текстовых макрокомпонентов и макросмыслов, концентрацию на импликатурах и концептуальных структурах [См., напр.: Молчанова 1988]. При этом главенствующую позицию в упорядоченности макросемантических единиц занимает разработанное В. В. Виноградовым понятие образа автора, то есть авторская языковая картина мира, субъективная модель объективной реальности, отраженная в тексте.

Текст рассматривается как конструкция, созданная в ходе применения авторами своей особой системы кодифицирования, как языковое опредмечивание процесса коммуникации между адресантом и адресатом.

Осознание целостности смысла текста приводит к пониманию его концепции и заключенных в этом тексте концептов. В этой связи важным понятием при исследовании смысла текста является понятие «концепт».

Анализ происхождения термина «концепт» в научном дискурсе демонстрирует, что он был создан в рамках дискуссии об универсалиях. Концептуалисты во главе с Пьером Абеляром рассматривали универсалии как продукт познавательной деятельности человека, существующий помимо физических явлений и над ними. В настоящее время концепт рассматривается как единица когнитивной деятельности, обособляющая предмет или явление окружающего мира как дискретную единицу, имеющая языковое выражение и отмеченная лингвокультурным своеобразием. Концепт имеет трехстороннюю сущность, находясь во взаимосвязи с окружающим миром как объектом отражения, с сознанием как с местом своего хранения и с языком как со способом репрезентации.

Объем понятия «концепт» объединяет в себе разные виды ментальных феноменов, которые упорядочивают информацию в сознании человека [Стернин URL]. Понятия, представления, схемы, модели, образы, фреймы, сценарии, стереотипы, сцены, художественные картинки — все эти ментальные единицы включаются в понятие концепта.

К важным признакам концепта как идеализированной модели восприятия реальности относятся следующие:

- концепт — это потенциальный знак или знаковая структура человеческого опыта, отраженная в знаковых системах, прежде всего в слове, речи, дискурсе;
- концепт есть средство усвоения содержания и трансляции знаний, это главная единица культуры;
- оптимальной моделью концепта является сфера (*концептосфера*) и поля внутри нее (*тематические/концептуальные поля*), отсюда верно, что концепт обладает сферической и полевой структурой, он имеет ядро, ближнюю и дальнюю периферию; поля одного какого-либо

концепта пересекаются с полями других концептов [Попова 2001].

Концептуальный механизм основан на принципе ассоциативности, смысловое/концептуальное структурирование управляется ассоциативными механизмами и логическими сетями. Рождаясь в сознании индивида, смыслы взаимодействуют, кристаллизуются и порождают финальный продукт на стадиях концептуализации и категоризации — концепты и категории. Одновременно с оформлением в ходе ментальной деятельности концепты вербализуются, выходят в языковую сферу, реплицируются и варьируются в разнообразных интертекстах.

В сознании концепт часто возникает как представление или образ. С повышением количества фиксированных признаков представление переходит из чувственной сферы в мыслительную. При этом показателем концептуальной оформленности и стереотипности концепта во многом является единство языковых выражений, то есть номинации и вербализации, а номинированный и вербализованный концепт свидетельствует о выработке понятия. В основе концептов-представлений лежат (обобщенные) образы и картинки, нечеткие и способные меняться в ходе постижения автором внеязыковой реальности, а в основе концептов-понятий — осведомленность о мире в виде четких знаний.

Однако в культуре, в социуме в процессе научения происходит и наоборот: в том случае, когда представления о чем-либо нет, а образ чего-либо не воспринимается непосредственно, концепт создается в результате синтеза языковых выражений об этом предмете, а его образ воображается, представляется. Роль языка в формировании концептов очень велика, она определяется единством и большей или меньшей системностью знаний, которые выражает язык.

В ходе когнитивной деятельности вербализованный и наделенный именем концепт выполняет функцию обладателя и носителя смысла. Как упоминалось выше, концепт является инструментом прохождения мышления сквозь синкретическую природу представлений о реальности, дробя ее, делая дискретной и упорядоченной. В рамках культурно-исторического дискурса концепт содействует культурной передаче смыслов.

Благодаря интертекстуальному обмену субъективных знаний о реальности вербализованные смыслы транслируют концепты далее в соответствии с принципами когниции и коммуникации, принятыми в той или иной культуре.

Структура концепта выражается в его признаковой сфере, в образной сфере, включая когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в сознании, в его ассоциативных и этимологических характеристиках [Воркачев 2001]. В концепте проявляется соединение различных форм культуры, показывающих комплексное восприятие мира.

В настоящее время в структуре концепта общепринято выделять следующие компоненты: *образную сторону*, которая ограничена характеристиками органов чувств и восприятия (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус); *понятийную, предметно-логическую сторону*, тесно связанную с языковым выражением концепта, его обозначением и другими концептами; *ценностную сторону*, которая показывает индивидуальную и коллективную важность, значимость концепта. Оценочная и, в конечном счете, ценностная сторона ментальной единицы является доминирующей в структуре концепта [Карасик 1996].

Выделяют следующие концептуальные сегменты:

- а) «буквальный смысл»,
- б) «внутренняя форма» или этимология концепта;
- в) «пассивный», «исторический» сегмент;
- г) новейший (актуальный) активный сегмент концепта;
- д) эволюционно-семиотический ряд как исторически сложившееся напластование смыслов;
- е) метапозиция — «парение» над словами и вещами;
- ж) сфера абстрактных определений — граница познания концепта «сверху»;
- з) сфера индивидуального опыта — граница познания концепта «снизу» [Степанов 2001].

Концепт обладает содержанием и смыслами. Содержание концепта в центре относительно стабильно и подобно содержанию понятия логически структурировано, на периферии же оно более динамично и разнообразно — оно во многом определяется закрепившимися интертекстуальными вербализациями этого концепта [Шелестюк 2003]. Смысл же концепта «включает в себя как содержание языковых реализаций, так

и ментальное содержание, не выраженное языковыми единицами» [Огнева 2013: 39].

Здесь мы считаем необходимым сделать ремарку. Признавая наличие невербализованных, имплицитных смыслов концепта, мы считаем, что при анализе объемного текста или корпуса текстов для изучения концептов необходимо и достаточно выявление вербализованных, эксплицитных содержательно-смысловых составляющих концепта. Иначе говоря, если мы имеем дело с объемным текстом или корпусом текстов, то наиболее важным, фундаментальным для интерпретации, понимания и осмысления их концептуального состава является контент-анализ, в нашем случае — сочетание SEO- и кластерного анализов, определяющее семантический вес (то есть семантическую доминантность/зависимость), частотность и семантико-синтаксические связи лексем.

Подчеркнем субъективность как возможный недостаток вторичной интерпретации при отвлечении от текста: чем дальше интерпретирующий ум отодвигается от непосредственно явленных в тексте лексем, тем более отвлеченной и арбитрарной может быть интерпретация. Особенно это касается тех случаев, когда речь идет не о целостном произведении, а о корпусе текстов, обладающих меньшей целостностью. Поэтому концептуальный анализ обязательно должен сопровождаться валидизацией результатов в виде использования точных статистических методов, таких как SEO-анализ, кластерный анализ, контент-анализ, факторный анализ и пр.

Мы согласны с Л. Г. Бабенко, что «содержание концепта формулируется в виде развернутой объемной дефиниции, включающей составляющие его смысловые компоненты: категориальные, интерпретационные, ассоциативно-образные, оценочные, прагматические, модальные» [Бабенко 2005: 40]. Все эти смысловые компоненты и описываются при интерпретации текста исходя из вербализаций и контекстов концепта, то есть их основных и сопутствующих имен, а также при кластеризации семантически связанных концептов.

Ментальные действия с когнитивными комплексами, каковыми являются концепты, происходят во время кодирования, вербального оформления и передачи прагматически обусловленных смыслов, а также во время декодирования,

интерпретации, понимания и интериоризации (осмысления) переданных смыслов [Шелестюк 2010]. Важным этапом рече-производства является вербализация. Вербализация смыслов позволяет «выводить на поверхность» мысли говорящего, полученные же таким образом тексты представляют собой материал для изучения актуализируемых смыслов и концептов. Изучение вербализации ментального основано на том, что язык в своей речевой ипостаси способен объективировать, обнаруживать механизмы исследования, обработки, категоризации действительности сознанием. Такого рода исследования позволяют изучать когнитивные и интуитивные условия актуализации и создания концепта.

Согласно Л. Г. Бабенко, главной единицей выражения концепта является абстрактное имя [Бабенко 2005]. Мы не разделяем такую точку зрения, полагая, что абстрактным, обобщенным и собирательным именем обязательно должна быть обозначена категория, а концепт может выражаться и абстрактным, и конкретным именем, в том случае если последнее наполнено культурным и символическим смыслом, ассоциативно насыщено, способно сообщать, помимо прямого значения, некие идеи. Итак, концепт, выраженный абстрактным или конкретным именем, — это единица содержания того или иного произведения, суть которой раскрывается в ходе концептуального анализа.

Повторим: изучение вербализованных в текстах смыслов и концептов начинается с семантического анализа текстов, выявления основных по весу, частотности и семантическим связям слов и анализа их контекстуальных смыслов. Одновременно анализируются комбинаторные и прагматические смыслы слов и самих текстов. Таким образом, исследование концептов, отраженных в тексте, происходит при помощи анализа составляющих этот текст знаков в совокупности их семантической, синтаксической и прагматической сторон.

Нельзя не отметить, что значение языкового знака и концепт как когнитивный комплекс первоначально — онтологически — не являются эквивалентными. Действительно, в современной трактовке значение слова, как и понятие, имеет содержание и объем, предметно-понятийный центр (интенционал) и семантико-ассоциативный комплекс

(импликационал) [ЛЭС 1990, Никитин 1988]. Однако есть и ряд отличий.

Значение слова, помимо понятийного и концептуального содержания, отражает всю системно-языковую информацию, которая может оказывать ощутимое влияние на содержание, образ и оценку концепта. Так, этимон (внутренняя форма), фоносемантические характеристики, коллокации, часть речи и грамматические категории имени концепта могут влиять на восприятие самого концепта (например, грамматический род может переноситься на соответствующий концепт [Boroditsky 2003]). Явления языковой континуальности и лакунарности, то есть сам факт наличия или отсутствия элементов лексико-семантических полей, обозначающих те или иные концепты, частей речи и грамматических категорий, может влиять на концептосферу той или иной культуры. Концептуальные метафоры (натуральные, антропоморфные), регулярно актуализируемые тем или иным языком, также неизбежно влияют на восприятие соответствующих концептов говорящими на этом языке. Интертекстуальные и прецедентные высказывания, бытующие в том или ином языке, также влияют на содержание, образ и оценку концепта. Нельзя не учитывать и упомянутый выше фактор сигнифициенции — порождения новых смыслов и ассоциаций в результате сочетания знаков, «игры означающих». Итак, влияние языковых факторов на значения языковых знаков, а через них — на концепты языкового сознания имеет место быть.

Однако следует признать, что роль предметно-логического содержания концепта как элемента картины мира (проекции реального мира в сознании человека) и его влияние на значение слова гораздо больше, чем обратное влияние. Предметно-логическое содержание обеспечивает понимание информации о мире и, собственно, формирование когнитивных и ментальных способностей индивида. В целом соотношение знака и языкового сознания детерминированы онтологически, и языковой знак в единстве своего означающего и означаемого выступает формой существования языкового сознания. Значения — это ментальные комплексы, встроенные в схемы знания и мнения, это общепризнанные концептуализации. Также они «составляют неотъемлемую часть новых знаков,

их можно трактовать как содержательную оболочку народного сознания, что является основанием утверждать диалектическое единство языка и знания» [Алефиренко 2006: 53, 54]. Концептуальная структура текста или корпуса текстов шире семантической за счет безграничного потенциала динамической гносеологизации понятия и концепта.

Концепт — когнитивная суть языка, а слово — единица, появляющаяся на вербально-семантическом уровне как отражение меры владения языком. Слово показывает концепт не полностью, но «является способом подхода к концептуальному знанию: посредством слова можно подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, им непосредственно не названные (существующие в значении как периферийные, скрытые, вероятностные, ассоциативные семы)» [Стернин 2002: 7–8].

Итак, концептуальная структура полностью не эквивалентна семантической структуре. Несмотря это, мы считаем целесообразным — хотя бы с утилитарной точки зрения, для удобства, объективности и валидности исследования — рассматривать эти структуры как условно эквивалентные. Кроме того, мы предполагаем, что значения слов имеют тенденцию онтологизироваться в соответствии с существенными содержательными признаками соответствующих понятий (концептов) и выравниваться в разных лингвокультурах в ходе непрерывного интертекстуального коммуникативного обмена и объективной гносеологизации.

Таким образом, оптимальным при анализе текстов, объединенных по общему временному, тематическому и прочим основаниям, является первоначальный семантический анализ. Наряду со значениями языковых знаков как системы в ходе этого анализа изучаются речевые номинации этими языковыми знаками, рассматривается соотношение языкового и речевого (контекстуального) значений слова. В контексте значение языкового знака обновляется и превращается в смысловой знак, нередко существенно меняя основное значение. Наконец, анализируются и прагматико-коммуникативные цели употребления тех или иных имен и высказываний.

4.2. Методологические подходы к концептуальному анализу корпуса текстов

Концептуальный смысл в художественном тексте отражен комплексом тем (лексем, вербализаторов концептов) и идей (пропозиций, топосов, общих тезисов). Пропозициональная структура текста создается в ходе отражения действительности и субъективного ментального представления о ней [Лотман 1996]. Концептуальный анализ художественного текста предполагает исследование его концептов с учетом семантической и пропозициональной структуры этого текста. При этом, на наш взгляд, в методике концептуального исследования важны объективность интерпретации, простота и четкий алгоритм.

Осознание сущности текста как сочетания концептов основано на одном из главных принципов когнитивной стилистики — на понимании текста как двуединого акта создания/перцепции. Иными словами, концепты, раскрытые в ходе перцепции, в основном — по крайней мере, в содержательной части — соответствуют концептам, которые автор замыслил и по мере возможностей отразил в произведении. Перцепция, смысловое восприятие текста, носит характер герменевтических кругов, в которых чередуются когнитивные методы анализа и синтеза, а также процессы интерпретации, понимания и осмысления на разных уровнях [Шелестюк 2010].

В своих текстах субъекты поэтического дискурса упорядочивают семантические единицы в соответствии со своей картиной мира — субъективной структурой объективной действительности. Со своей стороны, изучение семантической и концептуальной структуры текста способствует выявлению психологического состояния, интересов, ценностей, средоточия фокусов внимания авторов, а также самого общества. Иначе говоря, семантическое изучение корпуса текстов, отражающих определенные события и посвященных им, позволяют выявить концептуальную структуру и когнитивные особенности восприятия этих событий.

В настоящее время концептуальную структуру текста, когнитивные механизмы репрезентации информации в нем, акту-

ализацию текстовых смыслов, кодирование ключей к их интерпретации/пониманию, когнитивное обоснование стилистических приемов и выразительных средств языка рассматривают активно развивающиеся дисциплины концептологии и когнитивной стилистики. Несмотря на значительные теоретические наработки в области этих дисциплин отечественными и зарубежными учеными, автоматизированные методы анализа текста остаются в них невостребованными. На наш взгляд, непривлечение технологий, в том числе автоматизированных вариантов контент-анализа, к семантической обработке объемных текстов или корпусов текстов при исследовании актуализируемых в них концептов чревато субъективизмом, предвзятостью апперцепций и интерпретаций.

Автоматизированные методы (SEO, TextAnalyst, ЛЕКТА, Dedoose, ATLAS.ti, контент-анализ В. Шалака и пр.) обрабатывают значительные массивы текстов, выявляя их семантический центр и периферию, ранжируя лексику по частотности, семантическому весу и семантико-синтаксическим связям, производя кластеризацию и факторизацию данных, что, в свою очередь, позволяет верифицировать и объективно раскрывать соответствующие концепты. Кроме того, эти методы позволяют осуществлять извлечение информации, семантическую выборку в текстах, например, эмотивной, оценочной лексики, маркеров мнений [Брунова 2014], терминологических единиц, производить идентификацию текстов, связанных с некой тематикой (например, исламской) [Фаткулин 2013; 2016] и т. д.

Предваряющий или сопровождающий перцепцию автоматизированный лингвистический анализ организации текста (контент-анализ, SEO, программы кластеризации и факторизации) должен являться важным подспорьем в объективном научно-исследовательском концептуальном анализе, уточняющем восприятие этого текста и в основном устраняющем из него субъективизм.

Первый этап автоматизированного текстового анализа включает два подэтапа: SEO-анализ помогает ранжировать семантические единицы на зоны центра, ближней и дальней периферии семантического пространства / концептосферы, а кластерный анализ выявляет фреймы и тематические поля, то есть «повторение в тексте некоторых тем или употребление неких характерных формальных элементов, которые выносятся на осознаваемый уровень и определенным образом

интерпретируются исследователем» [Паршин URL]. В сопровождении кластеризации и факторизации данных SEO — это наиболее эффективный метод на первом этапе изучения концептуального состава текстов, особенно корпусов текстов большого объема.

Важнейшим в методике концептуального анализа текста остается второй этап — контекстуальный лингвистический анализ лексем, семантических нуклеусов, а также анализ образно-риторических структур, способствующий определению стилистически обусловленных приемов, раскрывающих индивидуально-авторские особенности применения равноуровневых элементов в художественной речи [Огнева 2013: 51–52]. В сочетании со знанием принципов литературоведения, лингвогерменевтики и когнитивной лингвистики контекстуальный анализ дает возможность осознать авторский замысел и адекватно его интерпретировать.

Переходя к этапу контекстуального анализа и интерпретации концептов, необходимо учитывать и принципы ментального отражения реальности, в том числе касающиеся непосредственно художественного текста:

- коммуникативный характер текстовой деятельности и ее организация;
- идеологическая и познавательная сущность художественной действительности;
- уникальность художественного слова — язык художественных текстов является максимальным выражением национального языка, воплощающим в себе все результаты его творческих возможностей;
- высокий уровень антропоцентризма художественного текста, показывающий осведомленность автора о реальности, оформленный в его тексте в виде индивидуальной картины мира [Бабенко 2005]¹.

¹Разумеется, в идеале, кроме указанных принципов, следует принимать во внимание и важнейшие наработки в области когнитивной лингвистики: концепции гештальтов (М. Вертхаймер), фигур и фона (в том числе Ч. Филмор), доменов (Р. Лангакер), образов-схем (М. Джонсон и Дж. Лакофф), траекторий и ориентиров/вех в вербальной репрезентации реальности, объективного/субъективного конструирования реальности (Р. Лангакер), систем координат (reference frame) и моделей концептуального структурирования (construal

Важен учет экстралингвистического контекста создания произведений, знание так называемой «когнитивной базы» — «определенным образом структурированной совокупности обязательных знаний, национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного сообщества, чей национально-культурный менталитет оказывает влияние на формирование и существование концептов» [Красных 2001: 64]. Знание когнитивной базы также способствует адекватному воссозданию концептов-представлений речевого произведения.

В ходе когнитивно-сопоставительного изучения текстов обращается внимание и на когнитивный стиль, который обозначает вид представления и отражения данных, уникальность их локализации и структуризации в тексте/дискурсе. Вид подачи информации сочетается с особенным выбором когнитивных операций в ходе трактовки тех или иных объектов, событий, явлений реальности и оформления текста. В целом мы полагаем, что обобщенный когнитивный стиль нации как повторяющиеся специфические черты отражения действительности — важная характеристика, к которой можно прийти на основе нескольких подобных исследований.

4.3. Концептосфера и семантическое пространство. Концептуальные и семантические поля

Как структурный элемент концептуальной системы концепт выражается комплексом семантических структур различного уровня сложности и абстрактности, формирует свои области в семантической системе языка с помощью семантических матриц, формирующих пространства его интерпретационного

structuring systems), включая конфигурационную, аттенциональную, перспективную, динамической силы (Л. Талми). Зарубежные когнитивные теории, релевантные в том числе для концептуального анализа художественного текста, неплохо сведены воедино V. Evans, M. Green [Evans 2006]. Важно также учитывать семиотические принципы и законы текстового пространства (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, Н. С. Валгина), перспективы (Н. Д. Марова) и т. д.

поля [Карасик 2013]. Взаимосвязь концептуальной и лексической структур многоаспектна, и высказанная часть концепта может выражаться как в художественном тексте, так и в художественном дискурсе в виде объединения художественных концептов [Огнева 2013: 46–47].

Выше отмечалась условная эквивалентность семантической и концептуальной структуры текста. По своей сути семантическая структура, или семантический состав, текста / корпуса текстов — это совокупность значимых языковых единиц, выстраивающих некую структуру на основании частотности, семантико-синтаксических связей и семантического веса. Концептуальная структура (состав) текста / корпуса текстов — это вербально выраженные концепты в текстах, так же как и в предыдущем случае, выстраивающие структуру, иерархию.

Оптимальной для описания семантической и концептуальной структуры текстов является модель *сферы*, то есть концептосфера, которая структурируется в виде концентрических зон вокруг ядра. Предваряя дальнейшее рассуждение, заметим, что мы рассматриваем это понятие в узком смысле.

В целом концептосфере можно трактовать в широком и узком смысле. В самом широком понимании, оно связано с познавательной возможностью, набором умений и мастерства, культурными навыками этноса и его представителей [Лихачев 1997]. Концептосфера образуется образами мира в сознании человека, то есть образами объектов и ситуаций действительности. Исследование организации концептосферы национального языка в целом и отдельных элементов языковой картины мира направлено на поиск парадигмы концептов базового уровня, категоризирующих и концептуализирующих мир. Та часть концептосферы, которая выражена языком, формирует семантическое пространство языка. Семантическое пространство языка — область концептосферы, отраженная в языковых знаках. «Концепт задает основные параметры семантической программы, которую он реализует. Эта программа может модифицироваться при развитии концепта и «сворачиваться» при его разрушении или отмирании (угасающие концепты), переводя его в план семантической памяти слова» [Огнева 2013: 55]. Концептосфера способствует четкой организации концептуального динамического

пространства национального языка как комплекса осведомленности о реальности.

Узкое понимание концептосферы означает, что мы говорим не о языке или дискурсе в целом, а о тексте или корпусе текстов. Концептосфера такого сложного, но единого вербально-семиотического объекта, как текст / корпус текстов, будет ограничена рамками материально выраженной словесной ткани. При этом в концептосфере художественного текста отражается образ автора (в корпусе текстов — образы авторов), это главная стилевая характеристика произведения, «которая мыслится в его художественно-речевом выражении, в отборе и осуществлении в тексте соответствующих лексических и синтаксических единиц, в общем композиционном воплощении» [Воробьева 1991].

Итак, структуру концептосферы можно моделировать в виде концентрических зон вокруг ядра. В отношении этой модели у ученых есть единство, хотя существует определенная разница в терминологии: «центр», «ближняя периферия», «дальняя периферия» концепта (З. Д. Попова, И. А. Стернин), «ядерная и периферийная зоны концепта» (Н. Ф. Алефиренко). При анализе нашего материала мы воспользуемся моделью и терминологией З. Д. Поповой, И. А. Стернина, но отнесем ее не к концепту Второй мировой войны, а к широкому объединению концептов — концептосфере Второй мировой войны, отраженной в русскоязычной и англоязычной поэзии.

Иерархическая структура концептосферы и семантического пространства текста такова. Центр структуры составляют макронуклеусы — главные концепты, понятия базового уровня и фреймы; они же лексемы наиболее частотные, имеющие в тексте / корпусе текстов максимальный семантический вес и наибольшее число семантико-синтаксических связей. Круг ближней периферии составляют нуклеусы — важные понятия, свойства и отношения, сопутствующие главным концептам; они же лексемы, сопутствующие главным значимым словам. Круг дальней периферии составляют «микронуклеусы», выражающие понятия, свойства и отношения, уточняющие единицы предыдущих кругов, и соответствующие лексемы.

Концептосфера текста / корпуса текстов формирует-ся в виде сочетания когнитивных единиц разных типов:

абстрактных (обобщенных, собирательных) понятий, концептов, интеллективных, эмотивных, оценочных (ценностных) понятий, духовных (анагогических) символов; конкретных понятий, когнитивных элементов базового уровня (прототипов), символических деталей, архетипических символов. Эти единицы можно обнаружить в любой из частей концептосферы — ядре, ближней и дальней периферии. Семантическое пространство текста / корпуса текстов строится в виде лексем, обозначающих соответствующие когнитивные единицы. В разделе 4.5 приводится более полная типология когнитивных и семантических единиц по степени абстрактности/конкретности — наряду с типологией по способу репрезентации информации.

Важной представляется не только сферическая, но и полевая модель сложного вербально-семиотического объекта. Концептуальная и семантическая структуры, обладающие ядерными и периферийными зонами, одновременно выражены в виде набора концептуальных/тематических полей — совокупности лексем и соответствующих понятий, системообразующим признаком которых является «определенный референциальный признак, получающий языковое воплощение в семантике слова, которое выступает как основное имя концепта» [Долгова 2006]. Иными словами, состав каждого конкретного концептуального поля, актуализируемого в тексте, определяется *референциально* и *тематически*, то есть ситуационным (фреймовым) и тематическим единством соответствующих концептуальных единиц, группирующихся вокруг основного концепта в той или иной тематике.

В тексте концептуальные поля опредмечиваются, и полученное языковое опредмечивание порождает различные вербально-тематические и вербально-семантические поля — комплексы языковых элементов, консолидированных схожестью содержания и показывающих понятийное подобие выражаемых феноменов. Вербально-семантическое поле составляют единицы гипо-гиперонимического типа, являющиеся одной частью речи, вербально-тематическое же поле составляют разные части речи, притом что и то и другое характеризуется тематическим единством (см. работы И. Трира, В. Порцига, А. Я. Шайкевича, Ю. Д. Апресяна, Г. С. Щур и др.). Кон-

цептуальное поле создается единством задаваемых концептом значений определенных языковых знаков в тексте. Также его можно рассматривать как крупное мыслительное формирование, в состав которого входят более малые виды когнитивных структур, формы ментальных выражений. Концептуальное поле и воплощающие его вербально-семантическое и вербально-тематическое поля сходны фреймовой структурой с мегафреймом и рядом вложенных субфреймов.

Как упоминалось выше, для определения структуры концептосферы и концептуальных полей в настоящее время есть достаточно точные автоматизированные типы анализа. Прежде всего современные автоматизированные программы семантического анализа текста, например SEO-анализ (см. Istio, Advego и пр.), могут быть полезными для выявления семантического пространства и концептосферы текста, они описывают семантический состав текста (корпуса текстов) в центре, на ближней и дальней периферии. Одновременно семантический анализ указывает и на отраженную в текстах концептуальную структуру. Далее задействуется кластеризация текста (например, программа автоматического анализа текста TextAnalyst), сводящая семантически сходные слова к определенному числу тем и показывающая тематические и фреймовые смысловые связи между лексемами внутри семантических полей. Кластерный анализ группирует семантические нуклеусы в иерархические структуры [См. в том числе: Шайкевич 1982; Гегер 2015, Брунова 2014]. Одновременно кластерный анализ показывает иерархические структуры концептуальных полей. Основными критериями обоих типов анализа являются частотность, семантический вес слов (то есть их семантическая доминантность/зависимость) и количество семантико-синтаксических связей вокруг того или иного слова (нуклеуса).

«TextAnalyst автоматически проводит реферирование текста и выделяет ключевые слова, выстраивая при этом семантическую сеть и формируя смысловой портрет материала. На выходе получается древовидная структура с ключевыми словами, которые проранжированы с учетом семантического веса слова и частоты встречаемости» [Гегер 2015]. Поскольку кластеризация производится на тематической основе, а также на основе симультанной встречаемости лексем в том или ином

произведении, с нашей точки зрения, можно сказать, что фактически TextAnalyst демонстрирует основные концептуальные (лексико-тематические) поля и фреймы корпуса текстов. Напомним, что концептуальное поле — это совокупность лексем и соответствующих понятий, системообразующим признаком которых является «определенный референциальный признак, получающий языковое воплощение в семантике слова, которое выступает как основное имя концепта» [Долгова 2006], фрейм — обобщенная структура данных представления (стереотипных) ситуаций, модель для измерения и описания знаний (ментальных репрезентаций), хранящихся в памяти людей [Карасик 2002].

Итак, если SEO-анализ позволяет четко определить зоны семантического пространства и концептосферы корпуса текстов — лексемы (нуклеусы) ее ядра, ближней и дальней периферии по критериям семантического веса, семантико-синтаксических связей между лексемами и частотности, то кластерный анализ выстраивает иерархии, описывает концептуальные (лексико-тематические) поля и фреймы.

Анализ содержания художественного концепта производится в процессе поиска как можно большего числа контекстов, в которых задействуется соответствующая лексема (лексемы), что способствует выявлению максимального количества его семантических особенностей. Таким образом, производится анализ методов *вербализации* художественного концепта. При этом концепт может быть отражен в художественном тексте без специального словесного обозначения, но через сопутствующие вербализаторы, импликации из контекстов, композиционно-стилистические особенности и т. д. Вместе с тем, как указывалось выше, для анализа концептуальной структуры объемного корпуса произведений, объединенных по тому или иному основанию, как нам представляется, необходимо и достаточно проанализировать контексты употребления основных имен семантических нуклеусов согласно их семантическому весу в текстах, частотности употребления и количеству семантико-синтаксических связей, которые выявляются с помощью SEO- и кластерного анализа.

Следует отметить, что лексическая организация значительного по объему и разнообразного корпуса текстов, объеди-

ненных по тому или иному основанию, частично вербализует национальную концептосферу, имеющую системную сущность, поскольку операции систематизации и категоризации внеязыковой реальности, являясь когнитивными, одновременно лингвокультурно обусловлены. Поэтому выводы относительно концептуальной структуры корпуса текстов можно экстраполировать на национальную картину мира, точнее ее фрагмент, касающийся конкретного периода, события или видения той или иной проблемы, отраженных в этом корпусе текстов.

4.4. Особенности художественного концепта

Когнитивно-сопоставительный анализ способствует выявлению и изучению сходства и различий художественных концептов как универсального когнитивного элемента чувственного восприятия мира в его культурно-этнической уникальности и выделить его значимость в концептосфере художественного текста.

«Художественный концепт — это компонент концептосферы художественного текста автора, включающий те ментальные признаки и явления, которые отражены в сознании народа и являются когнитивно-прагматически значимыми в рамках заданной автором сюжетной линии произведения» [Огнева 2013: 54]. Это многомерное мыслительное формирование относится как к субъективно-авторскому сознанию, так и к коллективному сознанию, то есть психоментальной матрице конкретного национального коллектива. Практика художественного творчества с образцами и моделями формирования концептов, в том числе вымышленных, фантазийных, хранится в культурной памяти и обеспечивает исходный материал для новых художественных смыслов и концептов.

Рассмотрим отличие понятий художественного слова — лексического значения слова, расширяющееся в художественном контексте, и художественного концепта.

Художественное слово по природе и объему транслируемых данных существенно отличается от своего словарного

прообраза. Его соотносят с художественным образом, свойствами которого является обобщенность и образность лексического выражения, или с символической деталью, выражающей и подкрепляющей иной, более широкий концепт. Также выше говорилось о сигнифициции, «игре означающих», появлении ассоциативных смыслов слов, порожденных сочетанием языковых знаков. Можно сказать, что сигнифициция наряду с обобщенностью и образностью — еще одно важное свойство художественного слова, обеспечивающее его функцию орнаментальности.

Художественное слово само по себе не является концептом, оно не выходит за рамки собственного значения, хотя это значение может обобщаться и обрастать ассоциациями. Если семантический и кластерный виды анализа показывают, что слово и обозначаемое им понятие, отраженное в художественном тексте, имеют невысокий семантический вес, частотность и количество семантико-синтаксических связей, то с большой долей вероятности это понятие само по себе не концептуализировано в этом тексте, хотя, несомненно, так или иначе вписано в качестве вербализатора в структуру актуализируемых концептов.

Обратимся к понятию художественного концепта. В большинстве случаев в художественном тексте имеет место целенаправленная концептуализация — расширение и углубление значения слов, приращение к ним смыслов за счет организации контекстов, выстраивание иерархии смысловых импликатур, которые позволяют адресату создать понятие о некоем явлении или пополнить уже имеющееся понятие новой информацией [Болдырев 2001; Молчанова 1988; Стернин 2005]. В этом случае можно говорить о художественном концепте и, возможно, сложном художественном символе.

В художественном концепте так же, как и в художественном образе, проявляется диалогическая организация отношений индивида, культуры и природы, он может быть более отвлечен по отношению к своему материальному носителю. По значению термин «художественный концепт» во многом близок термину «художественный символ», означающему сложный многосмысленный знак, который предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы

другого, более абстрактного и общего содержания, в результате чего вторичное значение объединяется с первичным под общим означающим [Шелестюк 1997]. Однако если в понятии символа экстенсионалом, то есть сущностью, предметом выступает материальная форма, а абстрактное содержание входит в признаковую область — интенционал, то в понятии концепта имеет место обратное: экстенсионалом выступает абстрактное и обобщенное содержание, а интенционалом — множество соответствующих ему языковых форм, включая основное имя.

Выше говорилось, что концепт может быть выражен в художественном тексте без специального словесного обозначения, но через контекстуальные построения, указывающие на его сущность. Взаимодействие разнообразных контекстов, как лингвистических, так и экстралингвистических, может порождать имплицатуры, не имеющие прямого вербального выражения. Далее, художественные концепты могут не оформиться как целостность, но существовать как набор возможностей. Вместе с тем очевидно, что в большинстве художественных текстов все же содержатся и имена основных концептов, и лексемы соответствующих концептуальных (семантических) полей. Для упрощения задачи анализа и интерпретации большого корпуса текстов мы будем анализировать прежде всего эти имена и лексемы.

Формирование и обработка концептов — двухсторонний акт коммуникации. Осознание адресатом художественных концептов, смоделированных автором, представляет собой способ их нового формирования. Перцепция и трансляция художественных концептов переводчиком также создает новый художественный концепт, хотя и эквивалентный оригинальному.

Анализ языковых принципов выражения художественного концепта указывает и раскрывает его характер. В процессе поиска значений языковых единиц, описывающих художественный концепт, определяются характеристики, значимые при типизации когнитивных структур, в контексте которых действуют концепты.

4.5. Классификация концептов

Существуют различные подходы к классификации концептов:

- по уровню абстракции — конкретные и абстрактные: конкретные концепты — базовые понятия, представляющие понятия предметной сферы (натуральные рода, артефакты, конкретные действия и процессы, свойства и признаки); абстрактные/обобщенные/собираательные концепты — отвлеченные категоризирующие понятия или обобщенные когнитивно-семиотические модели¹;
- по способу представления знаний, сложности и четкости структуры: мыслительные картинки, схемы, фреймы, сценарии, калейдоскопические и логически-конструируемые концепты, равные понятиям в их обычном понимании [Бабушкин 1996: 43—67], также представление, схема, понятие, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт [Бабушкин 2018], также фрейм, сценарий, сцена, когнитивная карта, концепт-схема, схема, пропозиция, гештальт, картинка, прототип и пр. [Карасик 2002; Огнева 2013];
- по языковым способам репрезентации: лексические (включая конкретные лексико-семантические и лексико-тематические поля, концептуальные метафоры и метонимии) и композиционно-стилистические;
- по типу организации: одноуровневые, многоуровневые, сегментные;
- по типу носителей: общенациональные, групповые, индивидуальные;
- по потенциалу транслируемости;
- по образу функционирования в речи: угасающие, появляющиеся [Карасик 2003].

Список типов концептов можно продолжать и далее, поскольку способы организации выражения знаний весьма многолики. Наш анализ семантического пространства стихотворных произведений поэтов-очевидцев о Второй мировой войне на основе SEO-анализа и кластерного анализа одновременно предполагает описание соответствующей концептосферы. В нашем исследовании релевантными оказываются типологии когнитивных единиц по степени абстракт-

¹И конкретные, и абстрактные концепты могут иметь символическую составляющую, трансцендировать мировоззренческие смыслы.

ности/конкретности и по способу представления знаний [фреймы (сцены, картинки), концептуальные поля]. Рассмотрим эти типологии, иллюстрируя их отдельными примерами из нашего материала.

I. Типология когнитивных единиц по степени абстрактности/конкретности:

1. Абстрактные, обобщенные, собирательные понятия/концепты и категории, в том числе:
 - 1.1) интеллективные понятия/концепты: *война, ожидание, возвращение, смерть, war, death, life, point, sense* и пр.;
 - 1.2) эмотивные понятия и оценочные (ценностные) понятия: *беда, боль, грусть, любовь, усталый, добрый, злой, жалеть, love, feel, great, fear, hate, wrong* и пр.;
 - 1.3) этические и эстетические понятия/концепты: *душа, ожить, быль, вина, слава, совесть, долг, dignity, pride, harm, courage, goodness* и пр.;
 - 1.4) анагогические (духовные), мифологические, религиозные и культурно-исторические концепты-символы: *Родина, пречистая мать-земля, крест, архистратиг, молебен, Ирод, saint, Camelot, Lazarus, Noah, thirteenth commandment, per ardua, per aspera* и пр.;
 - 1.5) абстрактные термины и понятия философского, социального плана: *свидетельство, свобода, привычность, мечта, chance, insight, pattern, vision, transitoriness* и т. д.
2. Конкретные понятия/концепты, в том числе:
 - 2.1) понятия базового уровня, включая имена природных объектов, артефактов, лиц, их признаки и свойства, конкретные действия, состояния и процессы: *снег, бой, огонь, боец, gun, lie, year, sun, dead* и пр.;
 - 2.2) архетипические символы: *земля, сад, солдат, дом, мать, ночь, ребенок, двор, конь, крыльцо (порог), boy, face, sky, wind, bird* и пр.;
 - 2.3) конкретные понятия — символические детали: *шинель, бинт, эшелон, пехота, землянка, hands, eyes, trains, trucks, arms* и пр.;
 - 2.4) конкретно-понятийные реалии (культурные объекты, топонимы и персоналии): *Рейхстаг, Смоленщина, целина, тельняшка, салон, Варшава, Моравия, Сербия, Василий Теркин, Spandau, bucket-helmets, El Alamein, Passchendaele, Donald Armstrong, Chamberlain*.

II. Типология когнитивных единиц по способу представления знаний:

3. Концептуальные поля: *реалии фронта, реалии тыла, arms & military machinery, nature* и пр.
4. Фреймы (сцены, картинки): *death, trains, ships, trucks, friends; face, pilot, remember, rot, wife* и пр.

Указанные единицы можно обнаружить в любой из зон концептосферы — ядре, ближней и дальней периферии; их место, как упоминалось в пункте 3, в этих зонах рассчитывается исходя из частотности, семантического веса и семантико-синтаксических связей лексических единиц (вербализаторов), определенных с помощью SEO-анализа; затем для конкретизации фреймов и концептуальных (тематических) полей используется кластерный анализ (в том числе TextAnalyst).

Если говорить о корпусе национальных текстов, объединенных по некоторому существенному основанию (например, по времени написания или тематике), как самостоятельной семантической организации, воплощающей концептосферу, то следует отметить, что наиболее репрезентативными в отношении национальных концептов являются сходные, перекликающиеся контексты, актуализирующие определенные семы в сигнификате вербализующих эти концепты лексем. Они свидетельствуют о единстве того или иного представления или понятия в сознании большой общности людей. При этом в концептах нации как одной из крупнейших человеческих сообществ обнаруживаются как общенациональные смыслы, так и смыслы различных сфер общественного сознания: социальные, философские (метафизические), этические, религиозные, психологические и пр. Интересны и своеобразные, необычные смыслы, выбивающиеся из общей картины мира, свидетельствующие об индивидуально-авторских концептуальных смыслах.

4.6. Концептосферы русскоязычной и англоязычной военной поэзии, посвященной Второй мировой войне

Совокупность поэтических произведений была обработана с помощью сервиса для семантического анализа текстов Istio¹, а также с помощью программы автоматизи-

¹ URL: <https://istio.com/rus/text/analyz/#> (28.07.2020).

ческого текстового анализа с элементами кластеризации TextAnalyst¹. Была определена семантическая структура поэтических текстов о войне: зоны семантического центра, ближней и дальней периферии. Показатели 41–20 для русскоязычной и 48–20 для англоязычной поэзии условно отграничивают семантический центр; показатели 19–6 отграничивают ближнюю периферию; наконец, показатели 5–2 отграничивают дальнюю периферию семантической структуры. Изучалась только полнозначная (значимая) лексика корпуса текстов, имеющая содержательные значения. Широкозначная, модальная, дейктическая, прономинальная лексика («стоп-слова»), обобщенные и неопределенные наречия, двусловные и многословные словосочетания, часто появляющиеся на периферии семантического состава военной поэзии в связи с поэтическими повторами, не учитывались, формальные показатели оценки качества текста также не представляли для нас особого интереса.

Значимые слова исходя из числовых показателей были отнесены к зоне центра, ближней или дальней периферии семантической структуры и разделены соответственно на семантические макронуклеусы, нуклеусы, микро-нуклеусы. Полученную структуру мы перенесли на концептуальную структуру: семантические макронуклеусы соответствуют центральным концептам; семантические нуклеусы — концептам ближней периферии (сопутствующим центральным); семантические микро-нуклеусы — концептам дальней периферии (сопутствующим концептам ближней периферии).

На основе полученных данных были выделены семантические нуклеусы (смысловые центры) в ядре концептосферы, в дальней и ближней периферии. Объем данной работы не позволяет нам привести полные SEO-развертки корпусов советской и англоязычной военной поэзии, ниже в таблицах мы продемонстрируем лишь их начало.

¹ URL: <https://www.analyst.ru/index.php?lang=eng&dir=content/products/&id=ta> (28.07.2020).

Таблица 1

SEO-развертка корпуса советской поэзии
о Великой Отечественной войне*

Table 1

First Page of SEO-scan of the body
of the Soviet Great Patriotic War poetry**

	Слово	кол-во	вес		Слово	кол-во	вес
1.	Все	8	0.12	38.	пойти	8	0.12
2.	Война	8	0.12	39.	послать	8	0.12
3.	Ждать	8	0.12	40.	сердце	8	0.12
4.	Знать	8	0.12	41.	спать	8	0.12
5.	Земля	7	0.11	42.	женщина	7	0.11
6.	Вернуться	7	0.11	43.	живой	7	0.11
7.	Смерть	7	0.11	44.	кровь	7	0.11
8.	Солдат	7	0.11	45.	пуля	7	0.11
9.	Снег	7	0.11	46.	сила	7	0.11
10.	Бой	7	0.11	47.	сон	7	0.11
11.	Вперед	7	0.11	48.	сын	7	0.11
12.	Огонь	7	0.11	49.	товарищ	7	0.11
13.	Остаться		0.21		мой		0.21
14.	Один	7	0.11	50.	час	7	0.11
15.	Слеза	6	0.09	51.	боль	6	0.09
16.	Шинель	6	0.09	52.	ветер	6	0.09
17.	Боец	6	0.09	53.	долгий	6	0.09
18.	Дом	6	0.09	54.	дым	6	0.09
19.	Мать	6	0.09	55.	жена	6	0.09
20.	Ночь	6	0.09	56.	мертвый	6	0.09
21.	лежать	6	0.09	57.	петь	6	0.09
22.	ребенок	6	0.09	58.	плакать	6	0.09
23.	товарищ	6	0.09	59.	победа	6	0.09
24.	конец	6	0.09	60.	пожар	6	0.09
25.	беда	6	0.09	61.	пора	6	0.09
26.	брат	6	0.09	62.	последний	6	0.09
27.	вдруг	6	0.09	63.	прийти	6	0.09
28.	зима	6	0.09	64.	путь	6	0.09
29.	помнить	6	0.09	65.	русская	6	0.09
30.	речь	6	0.09	66.	рядом	6	0.09
31.	родной	6	0.09	67.	тишина	6	0.09
32.	враг	6	0.09	68.	убить	6	0.09
33.	всегда	6	0.09	69.	хата	6	0.09
34.	глядеть	5	0.08	70.	бинт	5	0.08
35.	деревня	5	0.08	71.	весна	5	0.08
36.	забыть	5	0.08	72.	вечный	5	0.08
37.	окно	5	0.08	73.	вода	5	0.08

Окончание табл. 1

End of Table 1

	Слово	кол-во	вес
74.	голос	5	0.08
75.	гореть	5	0.08
76.	грудь	5	0.08
77.	грусть	5	0.08
78.	давать	5	0.08
79.	двадцать	5	0.08
80.	двор	5	0.08
81.	детство	5	0.08
82.	дождь	5	0.08
83.	душа	5	0.08
84.	имя	5	0.08
85.	казаться	5	0.08
86.	мальчик	5	0.08
87.	мальчишка	5	0.08
88.	ожить	5	0.08
89.	окоп	5	0.08
90.	отец	5	0.08
91.	родина	5	0.08
92.	русский	5	0.08
93.	сад	5	0.08
94.	след	5	0.08
95.	слышать	5	0.08
96.	сырой	5	0.08
97.	тащить	5	0.08
98.	теплый	5	0.08
99.	тихий	5	0.08
100.	три	5	0.08
101.	черный	5	0.08
102.	шаг	5	0.08
103.	атака	4	0.06
104.	бежать	4	0.06
105.	белый	4	0.06
106.	брат	4	0.06
107.	быль	4	0.06
108.	вина	4	0.06
109.	вставать	4	0.06
110.	гул	4	0.06

Примечание

*Выделены ключевые полнозначные слова, указаны частотность и семантический вес слов.

**Highlighted are meaningful key words, frequency and semantic weight of the words are specified.

Таблица 2

SEO-развертка корпуса англоязычной поэзии
о Второй мировой войне*

Table 2

First Page of SEO-scan of the body
of the British and American World War II poetry**

Слово	кол-во	вес	Слово	кол-во	вес
1. Man	55	2.02	37. Mind	11	0.4
2. war	48	1.76	38. Blood	11	0.4
3. hand	33	1.21	39. Heart	10	0.36
4. eye	27	0.99	40. Boy	10	0.36
5. death	23	0.84	41. Sense	10	0.36
6. face	21	0.77	42. Great	10	0.36
7. life	21	0.77	43. arm	10	0.36
8. Air	21	0.77	44. hear	10	0.36
9. always	19	0.69	45. bird	10	0.36
10. Point	18	0.66	46. grave	10	0.36
11. Still	17	0.62	47. sea	10	0.36
12. Hill	17	0.62	48. fear	10	0.36
13. Head	17	0.62	49. hour	10	0.36
14. Love	17	0.62	50. soldier	9	0.33
15. Die	17	0.62	51. throw	9	0.33
16. Sky	16	0.58	52. reason	9	0.33
17. enemy	15	0.55	53. foot	9	0.33
18. Learn	15	0.55	54. tree	8	0.29
19. Word	15	0.55	55. peace	8	0.29
20. course	14	0.51	56. fall	8	0.29
21. End	14	0.51	57. psychiatry	8	0.29
22. Own	14	0.51	58. dignity	8	0.29
23. Dark	13	0.47	59. feel	8	0.29
24. morning	13	0.47	60. hate	8	0.29
25. Night	12	0.44	61. sleep	8	0.29
26. Lead	12	0.44	62. people	8	0.29
27. Gun	12	0.44	63. seem	8	0.29
28. Lie	12	0.44	64. cold	8	0.29
29. Year	12	0.44	65. tell	8	0.29
30. Sun	12	0.44	66. same	8	0.29
31. Stand	11	0.4	67. bone	7	0.25
32. Deep	11	0.4	68. move	7	0.25
33. Dead	11	0.4	69. leave	7	0.25
34. Wind	11	0.4	70. wait	7	0.25
35. God	11	0.4	71. ghost	7	0.25
36. Child	11	0.4	72. friend	7	0.25
			73. past	7	0.25
			74. forget	7	0.25

Окончание табл. 2
End of Table 2

	Слово	кол-во	вес
75.	wrong	7	0.25
76.	bloody	7	0.25
77.	light	7	0.25
78.	rain	7	0.25
79.	call	6	0.22
80.	speak	6	0.22
81.	help	6	0.22
82.	stranger	6	0.22
83.	fight	6	0.22
84.	play	6	0.22
85.	moon	6	0.22
86.	kill	6	0.22
87.	train	6	0.22
88.	fell	6	0.22
89.	john	6	0.22
90.	trouble	6	0.22
91.	run	6	0.22
92.	tear	6	0.22
93.	keep	6	0.22
94.	ship	6	0.22
95.	wall	6	0.22
96.	walk	6	0.22
97.	black	6	0.22
98.	march	6	0.22
99.	white	6	0.22
100.	body	6	0.22
101.	place	6	0.22
102.	harm	5	0.18
103.	courage	5	0.18
104.	loud	5	0.18
105.	city	5	0.18
106.	truck	5	0.18
107.	water	5	0.18
108.	sight	5	0.18
109.	wound	5	0.18
110.	calendar	5	0.18

Примечание

* Выделены ключевые полнзначные слова, указаны частотность и семантический вес слов.

** Highlighted are meaningful key words, frequency and semantic weight of the words are specified.

Характеристики корпуса, по данным SEO-анализа:

- Количество слов — 11 253.
- Количество уникальных слов — 2738.

Мы учли разделение лексики на абстрактно-понятийную и конкретно-понятийную. Первая содержит слова, обозначающие абстрактные, обобщенные, собирательные и другие, включая духовно-нравственные понятия, понятия, обозначающие чувства, моральные, личностные качества и абстрактные (анагогические) символы, вторая — слова, обозначающие конкретные понятия, предметы, явления, людей, архетипические символы.

Подсчет конкретных и абстрактных понятий показал значительное преобладание конкретной (образной, эмпирически осязаемой) лексики в англоязычной поэзии по отношению к абстрактной, к которой мы также отнесли имена культурных реалий и символов: 67 % против 33 %. В советской поэзии, напротив, наблюдается некоторое преобладание абстрактной лексики по отношению к конкретной: 47 % конкретной лексики против 53 % абстрактной. Мы объясняем это в том числе когнитивным стилем англоязычной словесности, характеризующимся аналитизмом, логической индукцией и эмпиризмом, в отличие от русского когнитивного стиля, которому в большей степени свойственны синтетизм, дедукция и рационализм. Кроме того, очевидно преобладание эмоционально-оценочной лексики в ядре и ближней периферии концептосферы англоязычной военной поэзии, что может свидетельствовать о большем ее антропоцентризме и субъективно-личностном начале по сравнению с советской. С другой стороны, в советской поэзии, более сдержанной и имплицитной в эмоционально-оценочном плане, в большей степени выражены духовные концепты и символы, свидетельствующие об одухотворенности, мощном коллективном начале и самоотверженности в борьбе с геноцидным захватчиком.

В табл. 3 представлены количественные и качественные показатели состава лексики в различных зонах семантической/концептуальной структуры советской и англоязычной военной поэзии.

Таблица 3

**Распределение лексики в центре,
ближней и дальней периферии
семантической/концептуальной структуры
советской и англоязычной военной поэзии**

Table 3

**Distribution of the vocabulary in the center, near periphery
and far periphery of the semantic/conceptual structure
of the Soviet and English-language war poetry**

Характеристика	Все лексемы		Лексемы с показателями 41—20, 48—20		Лексемы с показателями 19—6		Лексемы с показателями 5—2	
	Конкрет.	Абстракт., эмоц.-оценоч. и симв.	Конкрет.	Абстракт., эмоц.-оценоч. и симв.	Конкрет.	Абстракт., эмоц.-оценоч. и симв.	Конкрет.	Абстракт., эмоц.-оценоч. и симв.
Число рассмотренных лексем в корпусе советской поэзии	524		7		49		468	
	247	277	2	5	35	14	210	258
Число рассмотренных лексем в корпусе англоязычной поэзии	728		8		91		629	
	515	213	5	3	67	24	443	186

Семантические/концептуальные нуклеусы, выявленные в корпусе англоязычной поэзии о Второй мировой войне с помощью SEO-анализа, несколько отличаются от соответствующих макронуклеусов в русскоязычной поэзии о Великой Отечественной войне. Согласно SEO-анализу, сходство лексики в ядре и ближней периферии составляет 44,32%. Общими в русскоязычной и англоязычной поэзии ядра и ближней периферии являются: *война* — *war*, *ждать* — *wait*, *помнить* —

remember, смерть — death, солдат — soldier, бой — fight, слеза — tear, ночь — night, лежать — lie, ребенок — child, враг — enemy, спать — sleep, кровь — blood, ветер — wind, убить — kill, бой — fight, беда — trouble, забыть — forget, сердце — heart. Лексемы ядра и ближней периферии в отечественной поэзии, отличающиеся от соответствующих лексем англоязычной поэзии: *боль, вернуться, вперед, глядеть, девочка, деревня, дом, дым, жена, женщина, живой, земля, зима, знать, мать, огонь, окно, остаться, петь, плакать, победа, пожар, послать, пуля, путь, речь, родной, русская, сила, снег, сон, сын, тишина, товарищ, хата, шинель,* в англоязычной поэзии выделяются следующие отличные лексемы: *arm, bird, black, body, bone, boy, cold, dark, deep, die, dignity, eye, face, fear, feel, foot, friend, ghost, god, grave, great, gun, hand, hate, head, hill, hour, lead, learn, life, light, love, march, mind, moon, morning, past, peace, play, psychiatry, rain, reason, sea, sense, ship, sky, stand, stranger, sun, train, tree, wall, white, word, wrong.*

Проанализируем зоны концептосфер русскоязычной и англоязычной военной поэзии подробнее.

4.6.1. Ядро концептосфер русскоязычной и англоязычной военной поэзии

В числе семантических макронуклеусов русскоязычной поэзии, посвященной Второй мировой войне, — имена абстрактных и обобщенных понятий: *война, ждать, знать, вернуться, смерть.* Здесь также обнаруживаем элементы базового уровня, выраженные конкретными существительными: *солдат, земля.* Соотношение абстрактных и конкретных (прототипических) понятий в центре — 5 против 2. Мы полагаем, что семантические макронуклеусы соответствуют центральным концептам корпуса текстов, сюда входят **ВОЙНА, ОЖИДАНИЕ, ВОЗВРАЩЕНИЕ, СМЕРТЬ, СОЛДАТ, ЗЕМЛЯ** (два последних — символы). Что касается семантических макронуклеусов англоязычной поэзии, среди них находим три абстрактных и обобщенных (*war, death, life*)

и четыре конкретных понятия [*man (soldier), hand, eye, face, air*]. Им соответствуют концепты WAR, DEATH, LIFE, MAN (SOLDIER), HAND, EYE, FACE, AIR. По сравнению с ядром концептосферы советской поэзии о Великой Отечественной войне, где выражены абстрактные концепты ВОЗВРАЩЕНИЕ и ОЖИДАНИЕ, в ядерной зоне англо-американской поэзии о Второй мировой войне бросаются в глаза конкретные антропоморфные символические синекдохи HAND, EYE, FACE. Употребленные в контекстах, соответствующих типичным коллокациям, они свидетельствуют о высокой антропоцентричности англоязычной литературы. Частое использование антропоморфных синекдох говорит о трансфере личных экспериенциальных впечатлений авторов на лирических героев. Это вкупе с первым по семантическому весу макронуклеусом MAN также свидетельствует о радикальном антропоцентризме и субъективизме англоязычной поэзии о Второй мировой войне.

Интерпретируем некоторые из **ядерных русскоязычных концептов**, исходя из контекстов соответствующих ключевых слов (семантических макронуклеусов).

ОЖИДАНИЕ. Этот концепт реализуется в экспериенциальных контекстах: солдаты ждут возвращения в мирную жизнь, их укрепляет знание, что их ожидают дома; их возвращения с победой ждет сама родная земля; они понимают напряженное ожидание убитых родными и терзаются, не зная, как сказать им о смерти их мужей и отцов: «А мечтал он, может статься, / Подойти путем другим, / У окошка постучаться / Жданным гостем, дорогим» (А. Твардовский); «Где ждали их потом с мольбой / И мукой день за днем... (А. Твардовский); «Мы вас подождем!» — говорили нам пажити. / “Мы вас подождем!” — говорили леса. / Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется, / Что следом за мной их идут голоса» (К. Симонов); «Жди меня, и я вернусь. / Только очень жди (К. Симонов); «И старушка в цветастом платье / У иконы свечу зажгла. / Я не знаю, как написать ей, / Чтoб тебя она не ждала (Ю. Друнина).

ЗЕМЛЯ. Земля является многозначным прототипическим символом, который воплощается в военной поэзии в разных образах. Нередко она персонифицируется в виде женского образа, оскверненного, нуждающегося в защите: «Славно

начато славное дело / В грозном грохоте, в снежной пыли, /
 Где томится пречистое тело / Оскверненной врагами земли»
 (А. Ахматова). Земля опустошена, сожжена, измучена, захвачена врагом: «И хоть земля оголена, / Искажена огнем»
 (А. Твардовский); «Как горько по земле родной / Идти, в ночи таясь»
 (А. Твардовский). В то же время земля — защитница, убежище, крепость: «Какой уютной показалась / Тебе холодная земля... / Казалось, чтобы оторваться, / Рук мало — надо два крыла. / Казалось, если лечь, остаться / — Земля бы крепостью была» (К. Симонов). Земля — это родина, Россия, которая важнее собственной жизни: «Но, трижды поверив, что жизнь уже вся, / Я все-таки горд был за самую милую, / За горькую землю, где я родился, / За то, что на ней умереть мне завещано» (К. Симонов); «Клочок земли, припавший к трем березам, / Далекую дорогу за леском, / Речонку со скрипучим перевозом, / Песчаный берег с низким ивняком. / Вот где нам посчастливилось родиться» (К. Симонов). Русская земля — это церковь, исторгающая нечистого врага, хаос и разрушения, который он несет: «Земля гудела, как молебен / Об отвращеньи бомбы воющей, / Кадильницею дым и щебень / Выбрасывая из побоища» (Б. Пастернак). Земля принимает в свое лоно павших и скорбит о них: «По русским обычаям, только пожарища / На русской земле раскидав позади, / На наших глазах умирали товарищи, / По-русски рубаху рванув на груди» (К. Симонов); «В солдатской могиле — десятки мужчин: / Лишенные силы, лежат как один. / Устало лопаты мелькают вдали, / Как будто солдаты жалеют земли» (Ю. Левитанский); «Он на земле лежит, усталым / Движеньем руку занеся. / Он мертв. Его никто не знает...» (К. Симонов). И в то же время родная земля дает живительную силу, ее хранят и берегут, даже употребляют внутрь: «И мы / Бадаевской землей / Теперь сластим пустую воду. / Земля с золой, / Земля с золой» (Ю. Воронов); «Снял полинялую пилотку, / В кисет насыпал горсть земли» (П. Сидоров); «...Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли / Ту горсть земли, которая годится, / Чтоб видеть в ней приметы всей земли» (К. Симонов).

ВОЗВРАЩЕНИЕ. Возвращение — еще один актуализуемый концепт, воплощенный прежде всего в глаголах

«вернуться», «возвращаться». Воля не вернувшихся с войны становится для живых мериллом нравственности: «И пусть не покидает вас забота / Знать волю не вернувшихся с войны, / И перед награждением кого-то / И перед осуждением вины» (Р. Гамзатов). Солдаты также заботятся о возвращении на родину, в мирную жизнь выживших граждан, претерпевших неисчислимые страдания: «Я должен видеть теми же глазами, / Которыми я плакал там, в пыли, / Как тот мальчишка возвратится с нами / И поцелует горсть своей земли. / За все, чем мы с тобою дорожили, / Призвал нас к бою воинский закон. / Теперь мой дом не там, где прежде жили, / А там, где отнят у мальчишки он» (К. Симонов). Они радуются возвращению в родные места птиц, символизирующих собой мир и счастье: «К золе и к пеплу наших улиц / Опять, опять, товарищ мой, / Скворцы пропавшие вернулись, / Бери шинель, пошли домой!» (Б. Окуджава). О возвращении в мирную жизнь солдат просят их подруги и друзья: «...Мальчики, / Постарайтесь вернуться назад» (Б. Окуджава). Горечь о невозможности возвращения павших охватывает их товарищей: «Почему все не так? Вроде все как всегда: / То же небо опять голубое, / Тот же лес, тот же воздух и та же вода, / Только он не вернулся из боя» (В. Высоцкий).

Приведем анализ **ядерных концептов англоязычной поэзии**.

WAR. Концепт WAR отражен во многих стихотворениях, в том числе в ярком отрывке с ритмическими повторами, где она репрезентируется как бездушная машина смерти: *Trains lead to ships and ships to death or trains, / And trains to death or trucks, and trucks to death, / Or trucks lead to the march, the march to death, / And death leads back to trucks and trains and ships, / Or that survival which is all our hope; / But life leads to the march, O flag! at last / The place of life found after trains and death / – Nightfall of nations brilliant after war* (Karl Shapiro, *Troop Train*). Сцены смерти и героического сопротивления из осажденного Ленинграда также поражают воображение англоязычных поэтов: *A woman pulls her son's sled, / His vacant body covered with sacks, / Shabby monument for the bank of death... / I see the courage of this city, /*

The working children shingle— thin, / The women's faces like carved wood. / Their pride, written in mirror eyes, / Defies the razor wind that mocks the skin. / The gracious art of learning has fallen / And brings the people to rhythm of hate. / Life is a fugue repeating war. / Time is the calendar of scars» (James E. Schevill, *The Siege of Leningrad*).

Через описание смерти и хаоса выражается негативное отношение к войне, например, в поэзии Вернона Скеннелла, который акцентировал семантику разрушения, страдания, безумия и других примет войны, ср.: A mammoth morning moved grey flanks and groaned / In the rusty hedges pale rags of mist hung; / The gruel of mud and leaves in the mauled lane / Smelled sweet, like blood. Birds had died or flown... / In the ditch at the cross-roads the fallen rider lays / Hugging his dead machine... / And then they came, the walking wounded, / Stragglers the road like convicts loosely chained, / Dragging at ankles exhaustion and despair... / They were not magnified by noble wounds, / There was no splendor in that company (Vernon Scannell, *The Walking Wounded*).

Восприятие войны как опасности, смерти и хаоса в англоязычной поэзии не всеохватно, нередко этот концепт гносеологизируется как зло, позволяющее проявиться добру (вообще релятивизм в оценке добра и зла сродни манихейскому весьма распространен в англоязычной литературе). В абстрактном стихотворении Робинсона Джефферса *The Bloody Sire* имплицитно понимается война как темной, злой и brutальной стороны существования животного мира и человека, которая, тем не менее, необходима для порождения ее противоположностей — мира, красоты и добра. В частности, лицо Елены Прекрасной непредставимо без ореола копий — и смертей тех, кто когда-то желал овладеть этой красотой: It is not bad. Let them play. / Let the guns bark and the bombing-plane / Speak his prodigious blasphemies. / It is not bad, it is high time, / Stark violence is still the sire of all the world's values. / ...Who would remember *Helen's face* / Lacking the terrible halo of spears? / Who formed Christ but Herod and Caesar, / The cruel and bloody victories of Caesar? / Violence, the bloody sire of all the world's values. / Never weep, let them play, / Old violence is not too old to beget new values. Таким образом,

здесь находит свое выражение идея неразрывного существования добра и зла, красоты/величия и жестокости.

С приведенным выше переключается стихотворение *Now That the War Is Here* Р. Н. Карри, где война восхваляется как стихия, позволяющая проявиться «подавленным добродетелям», умаляемым мирной жизнью буржуазного общества, считающимся балластом для него. Такими добродетелями называются «непримиримое мужество, немая выносливость, слепая жертвенность, высокое мастерство в убийстве» — качества, необходимые для боя и победы: *Now that the war is here, thank God / For merciful close perspective, blocking out / Facades of peace which otherwise would dwarf / These stunted sandbag virtues by which we live — / For men must live by virtues, even when / Bombing the helpless innocents; even hearts / Pruned to the stump sprout virtues or else die! / In this diminished world we must acquire — / Although our small hearts ache, thin sinews crack — / Unplumbable courage, numb endurance, / Blind sacrifice, high skill in homicide...* (R. N. Currey, *Now That the War Is Here*).

DEATH. Согласно SEO и TextAnalyst, одной из центральных лексем по семантическому весу является лексема *death*, соответствующая концепту DEATH. Именно о смерти идет речь в большинстве стихотворений англоязычной поэзии о Второй мировой войне. Стихи, написанные в ранние годы войны, носят описательный характер, сквозь описание часто просматриваются ощущения тревоги, нависающей опасности, в некоторых из них звучат нотки неопределенности, недоумения по поводу происходящего, попытки обнаружить в нем смысл: *Whom do we fight? What are we fighting for? / Wipe off the goggles, clear the mask of breath: / Salvage the head, the brain is spreading death...* (M. Stroebel). Смерть как печальный человеческий конец (в контексте или вне контекста ратного дела) оплакивается, при этом тема смерти нередко переплетается с лирическими темами (любовь, невинность): *They (the lovers) remember death's eyes / Their expected soon is now; / Although the hyacinth hands / Never knew any harm / This year's violent end / Makes notable their wrong* (J. Symons); *Love that lowered into death / Was theirs and in them here / Questioning by their offering / Our unofficial*

infantry / Lies unsung, unhonored, and four hundred... (Ewart Milne, *Sierran Aftermath*). Гротескно описываются тренировки молодых солдат в военном лагере, сравниваемых с детьми, которые осваивают «железную технику смерти»: They camouflaged, they bristle with arms to the teeth, / they implement with knives their patient wonder / and wander like children the iron techniques of *death* (Patrick Anderson, *Military Camp*). Выражается эмпатия по отношению к молодым людям, которые, не выйдя из детских фантазий, сталкиваются с ужасами войны и гибнут: Little boy, nothing has been said about your fear; / the sky projects your growth and in this sudden blackout ghosts foreknew the naked stars that will skin you alive. /... fear breeds hate and *death* brings no taste of godliness... (Patrick Anderson, *Soldier Boy*).

Проявление смерти в различных аспектах, страх смерти, ужас перед ней, отвращение к ней, ее нелепость, бессмысленность часто имплицитно в произведениях англоязычных поэтов. Изумление и шок психики от столкновения со смертью вытесняют какие-либо другие ощущения и чувства, делают их вторичными. Благородство, героика подвига, ратного труда, усилий тыла, направленных на победу, как мы можем видеть, в корпусе англоязычной поэзии, посвященной Второй мировой войне, если и присутствуют, то по большей части имплицитно, ужас же от уродства и нелепости смерти выражается вполне эксплицитно. Сравнение соответствующих контекстов приводит нас к выводу о лингвокультурном различии концептов смерти, выраженных в военной поэзии: если в советской поэзии о войне акцентируется героизм, величие подвига, его значимость для всего народа, то есть происходит вполне сознательная гносеологизация, утверждение духовного смысла сражения и гибели ради победы, ради жизни, то в англоязычной военной поэзии выражены образы, связанные со смертью, с ее реалиями и впечатлениями очевидцев. Эти образы оставили у авторов (и оставляют у читателей) глубокий отпечаток, они воздействуют прежде всего на бессознательное и, как правило, автосемантически.

В коротком стихотворении Рэндала Джарелла говорится о летчике, пилотирующем самолет с пушкой-турелью. Из-за маленького роста поэт сравнивает его с птенцом, попавшим

из мягкого гнезда в ужас ревущей и все уничтожающей военной техники. Пилот стреляет из пушки по вражеским самолетам. Как имплицитно кончается стихотворение, во время боя самолет сбивают, при этом останки пилота попадают изнутри в турель, из которой их потом вымывают с помощью шланга: From my mother's sleep I fell into the State, / And I hunched in its belly till my wet fur froze. / Six miles from earth, loosed from its dream of life, I woke to black flak and the nightmare fighters. / When I died they washed me out of the turret with a hose (Randall Jarrell, *The Death of the Ball Turret Gunner*).

В стихотворении *The Performance* Джеймса Дики рассказывается о смерти пилота Дональда Армстронга на Филиппинах, которого «маленькие туземцы» убивают, отрубая ему голову. Перед смертью пилот выполняет свои лучшие трюки, в том числе стоит на руках идеально ровными ногами на краю вырытой им ранее могилы. При этом палач едва не отрубает ему ноги вместо головы, изумляется и даже плачет. Наряду с ужасом этой смерти в стихотворении имплицитно восхищение поступком американца, в котором усматриваются гордость и бесстрашие: ...Doing all his lean tricks to amaze them — The back somersault, the kip — up — And at last, the stand on his hands... / And the headsman broke down / In a blaze of tears, in that light / Of the thin, long human frame / Upside down in its own strange joy... (James L. Dick-ey, *The Performance*).

Необходимость примириться с уродством и нелепостью смерти, ужасом, возникающим от нее у живых, имплицитно сочетается с попыткой по возможности сберечь в памяти достоинство павших. Например, стихотворение об убитом отце начинается с мысли о его лице, которое было не так обезображено смертью, как лицо другого солдата. Лирический герой описывает это лицо, выражая скорбь и нежность, и говорит, что погибший снится ему в виде маленького черного африканского божка, кружащего по нисходящей спирали в небе: Your face did not rot / like the others — the co-pilot, / for example, I saw him / yesterday. His face is corn- / mush: his wife and daughter, / the poor ignorant people, stare / as if he will compose soon. / He was more wronged than Job. / But your face did not rot / like the others — it grew dark, / and

hard like ebony; / the features progressed in their / distinction.
 If I could cajole / you to come back for an evening, / down
 from your compulsive / orbiting... / I would / touch your
 face as a disinterested / scholar touches an original page... All
 I know / is this: when I see you, / as I have seen you at least /
 once every year of my life, / spin across the wilds of the sky /
 like a tiny, African god... (James Tate, *For My Father*).

Как мы видим, амбивалентность, недосказанность, «обнаженный» натурализм смерти, сквозь который едва просвечивает высший смысл, теряясь в тумане сомнений и релятивизма, — свойства англоязычной поэзии о войне.

FACE (MAN, HAND, EYE). Наряду с *man*, *hand* и *eye* лексемой с максимальным семантическим весом в англоязычной поэзии о Второй мировой войне является *face*. Лицо выступает многосмысленным антропоморфным символом, это и сам человек, и символ человечности как таковой, и зеркало физического и психологического состояния человека, его чувств и эмоций, и эмблема человека, которого знал и, возможно, любил, и застывшая, искаженная маска — символ смерти. Лица, увиденные при тех или иных обстоятельствах, выступают важными экзистенциальными гештальтами, трансцендирующими некие смыслы и значения — как индивидуальные, так и общечеловеческие.

Цитированное выше стихотворение Карла Шапиро *Troop Train* метафорически сравнивает лица солдат, которые свисают из вагонов, отправляющихся на фронт, с фруктами из рога изобилия: Fruit of the world, O clustered on ourselves / We hang as from a cornucopia / In total friendliness, *with faces bunched* / To spray the streets with catcalls and with leers... (Karl Shapiro, *Troop Train*). Лица вызывают воспоминания, где радость узнавания сочетается с горечью и скорбью: Somehow we see ourselves in photographs / Held in our hands to show us back our pride / When, aging, we recall in epitaphs / The *faces* just behind and to each side. / ...You feel the *faces* soften into sleep, / Or tense upon the fraught and falling arc / Of fear a boy had buried not too deep (John Ciardi, *Port of Aerial Embarkation*). Лица принимают ужасающий облик смерти (ср. цит. выше стихотворение *For My Father* Джеймса Тейта).

Лица людей служат для изображения походных и прочих сцен, так или иначе связанных с войной, в том числе, опять же, с амбивалентными моральными оценками. Ср. лицо дезертира из сочувственного стихотворения Карла Шапиро *The Conscientious Objector*: You suffered not so physically but knew / Maltreatment, hunger, ennui of the mind. / Well might the soldier kissing the hot beach / *Erupting in his face* damn all your kind. / Yet you who saved neither yourselves nor us / Are equally with those who shed the blood / The heroes of our cause. Your conscience is / What we come back to in the armistice (Karl Shapiro, *The Conscientious Objector*). Или изображение «столкновения лицом к лицу» с врагом в пародийном цикле Генри Рида *Lessons of the War*, как бы воспроизводящем конспект лекции опытного военного (психоаналитика?), прочитанной молодым солдатам. В части *Psychological Warfare* читаем: ...When you *come face to face with the foe*, remember dignity, / And though a number of them do fortunately speak English, / Say, proudly, with cold politeness, in the visitor's own language: 'Ich ergebe mich...' / Do not forget the phrase... / Only always cold in tone: icy, if necessary: / It is such behaviour that will make them accord you / The same respect that they accorded myself, / At Passchendaele (Henry Reed, *Psychological Warfare*). Любопытно, что в этих стихотворениях акцентируется психология и этикетно-поведенческая мораль (совесть как верность личным принципам, внешнее приличие и достоинство при сдаче в плен), которые противоречат воинскому долгу и чести.

Концепт AIR (и сопутствующие концепты SKY, WIND, BIRD, WING, PILOT) отражает среду, где происходили дуэли британской противовоздушной обороны с немецкими бомбардировщиками, где разворачивались бои британской/американской и немецкой авиации. Пилотам, погибшим в воздушных боях, посвящено стихотворение Говарда Немерова с примечательной концовкой о «славной войне, в которой мы победили, не наблюдая смертей»: For a saving grace, we didn't see our dead, / Who rarely bothered coming home to die / But simply stayed away out there / In the clean war, the war in the air. / Seldom the ghosts come back bearing their tales / Of hitting the earth, the incompressible sea, / But stayed up there in the relative wind...

(Howard Nemerov, *The War in the Air*). Джон Пудни восхищается подвигом летчика, перефразируя его бесхитростный рассказ расцветенным языком, используя в том числе мифологические и художественные аллюзии: “Just then I saw the bloody Hun” / You saw the Hun? You, light and easy, / Carving the soundless daylight. “I was breezy / When I saw that Hun.” Oh wonder / Pattern of stress, of nerve poise, flyer, / Overtaking time. “He came out under / Nine-tenths cloud, but I was higher.” / Did Michelangelo aspire, / Painting the laughing cumulus, to ride / The majesty of air. “He was a trier / I’ll give him that, the hum.” So you covert / Ultimate sky o air speed, drift and cover; / Sure with the tricky tools of God and lover (John Pudney, *Combat Report*). Джон Чиарди написал стихотворение *The Pilot in the Jungle*, в котором фантазмагорически сливаются образы смерти и нового рождения пилота, потерпевшего авиакатастрофу в джунглях, — «основателя цивилизации».

4.6.2. Ближняя периферия концептосфер русскоязычной и англоязычной военной поэзии

К ближней периферии семантического пространства / концептосферы военной поэзии относятся единицы в диапазоне 19—6. В анализе лексики ближней и дальней периферий корпусов военной поэзии мы применили кластеризацию с помощью TextAnalyst, чем укрупнили семантическую структуру корпуса текстов, выявили наиболее важные фреймы и тематические/концептуальные поля.

В ближней периферии советской поэзии преобладают слова, обозначающие реалии фронта, предметы и явления, людей. Кроме того, здесь находим слова, обозначающие реалии повседневной жизни тыла, которые переплетаются с первыми, в том числе в связи с оккупацией фашистами территорий СССР. Таким образом, в ближайшей периферии советской поэзии четко выделяются переплетающиеся и одновременно противоположные концепты РЕАЛИИ ФРОНТА и РЕАЛИИ ТЫЛА. Эти концепты одновременно являются вершинами одноименных тематических/концептуальных полей и фрей-

мов. В англоязычной поэзии, как показывают семантический и текстовый виды анализа, аналогичные тематические поля не выражены, концептуально-полевая структура здесь более размыта, в ней можно выделить четыре обобщенных тематических поля (фрейма) MAN, WAR, DEATH, NATURE.

Проанализируем ближнюю периферию концептосфер советской и англоязычной поэзии подробнее.

В **ближней периферии концептосферы советской поэзии** отношение конкретной прототипической лексики и лексики, обозначающей абстрактные понятия, — 35 против 14. Конкретные понятия выражены такими словами, как: *снег, огонь, слеза, шинель, бой, боец, дом, мать, ночь, лежать, мертвый, ребенок, товарищ, зима, речь, враг, глядеть, девочка, деревня, живой, окно, спать, женщина, кровь, пуля, сын, ветер, дым, жена, петь, плакать, пожар, путь, убить, хата*. Имен обобщенных и абстрактных понятий, духовно-нравственных понятий, эмоций и чувств, личностных качеств, духовных символов в ближней периферии более чем вдвое меньше, но они весьма значимы: *вперед, беда, помнить, родной, забыть, послать, сердце, вернулся, сила, сон, боль, победа, русская, тишина*.

Приведем контексты советской поэзии, актуализирующие тематические/концептуальные поля РЕАЛИИ ФРОНТА и РЕАЛИИ ТЫЛА при помощи конкретно-понятийной, прототипической лексики: «...Не по улице прямой — / Под огнем, по огородам / Добирается домой...» (А. Твардовский); «Смерть свистит над головами, / Снег снарядами изрыт. / И жена в холодной яме / Где-нибудь с детьми сидит» (А. Твардовский); «Дома — Без света и тепла, / И без конца пожары рядом. / Враг зажигалками дотла / Спалил Бадаевские склады» (Ю. Воронов); «Он отставал, он кровь терял, / Он пулю нес в груди...» (А. Твардовский); «Каких имен нет на могильных плитах! / Их всех племен оставили сыны...» (Р. Гамзатов); «Как я хотел вернуться в до-войны, / Предупредить, кого убить должны. / Мне вон тому сказать необходимо: / “Иди сюда, и смерть промчится мимо”» (А. Тарковский); «Девочка в заштопанной шинели / Разбросала руки на снегу. / Мама! / Мама! / Я дошла до цели...» (Ю. Друнина) и др. Примеры реалий повседневной

жизни: «Где хата наша и крыльцо / С ведром на скамье? / И мокрое от слез лицо, / Что снилось и мне?.. / Дымком несет в рядах колонн / От кухни полевой. / И вот деревня с двух сторон / Дороги боевой» (А. Твардовский); «Нет, не исчезли мы в крошечном дыме, / Где путь, как на вершину, был не прям. / Еще мы женам снимся молодыми, / И мальчиками снимся матерям» (Р. Гамзатов); «Что русская мать нас на свет родила, / Что, в бой провожая нас, русская женщина / По-русски три раза меня обняла» (К. Симонов).

Приведем контексты, актуализирующие указанные тематические/концептуальные поля при помощи абстрактной, эмотивно-чувственной и символической лексики. Например, «Пусть в сердце *боль* тебе, как нож, / По рукоять войдет. / Стой и *гляди!* И ты пойдешь / Еще быстрее *вперед*» (А. Твардовский); «Они нас выводили в степь / Тропинкой потайной. / Им наша *боль* была больна, — / Своя *беда* не в счет» (А. Твардовский); «Наши мертвые нас не оставляют в *беде*, / Наши павшие как часовые...» (В. Высоцкий); «Когда последний взрыв раздался, / Не *умерла* война во мне / Я долго, долго *оставался* / Солдатом в мирной *тишине*...» (Е. Иванов); «*Победа* у наших стоит дверей... / Как гостью желанную *встретим?* / Пусть женщины выше поднимут детей, / Спасенных от тысячи тысяч смертей, — / Так мы долгожданной ответим» (А. Ахматова); «Ведь эта *память* — наша *совесть*. / Она, / Как *сила*, нам нужна...» (Ю. Воронов); «К нам оттуда родные березы / Тянут ветки и *ждут* и зовут, / И могучие деды-морозы / С нами сомкнутым строем идут» (А. Ахматова); «Не страшно под пулями мертвыми лечь, / Не горько остаться без крова, / И мы сохраним тебя, русская речь, / Великое русское *слово*» (А. Ахматова) и др.

Помимо указанных полей, с помощью кластеризации TextAnalyst в ближней периферии выявляет ряд тематических лексем, позволяющих рассматривать их как важные символы и имена фреймов: ОГОНЬ (пламя, пожар); ШИНЕЛЬ; ДОМ (хата); ТОВАРИЩ (друг, друзья, ребята); МАТЬ; СЫН; СЕРДЦЕ, БОЙ, пуля (= СМЕРТЬ), РУССКИЙ (РУССКАЯ), ЖЕНЩИНА (жена), ПРИРОДА (снег, вода, воздух, лес, трава), слеза (слезы), РОДНОЕ (дорогое, милое). Анализ контекстов этих лексем позволяет сделать следующие выво-

ды об их признаках: ОГОНЬ (пламя, пожар) — стрельба, взрывы; пожары; война; разрушение; ратное дело; огонь для самокрутки, костер; фронтовая дружба, теплое общение; Вечный огонь; память; священное; совесть; ШИНЕЛЬ — солдат, военная служба, война; защита, покров; помощь, товарищество; изношенная, сырая; ратный труд, тяготы войны; ДОМ (хата) — кров; мирная жизнь; родные, родина; люди, свои; народ; нуждающиеся в защите; праздник, праздность; прошлое, детство, юность, любовь; ушедшее, разрушенное; победа, возвращение; ТОВАРИЩ (друг, друзья, ребята) — тот, кто рядом, близкий, солдат; помощь, забота, спасение; радушие, любовь; второе я, погибший, собеседник; МАТЬ — родная, милая, любящая, ждущая, слезы, горе, сберечь, дом, родина; СЫН — род, племя, солдат, мальчик, смерть, товарищ и др.

Проанализируем **ближнюю периферию англоязычной военной поэзии**. В англоязычной поэзии зона ближней периферии несколько шире, при этом абстрактных понятий почти втрое меньше, чем конкретных (24 против 67). Конкретные: *hill, head, die, sky, enemy, own, dark, morning, night, lead, gun, lie, year, sun, stand, deep, dead, wind, child, blood, boy, arm, hear, bird, grave, sea, hour, soldier, throw, foot, tree, fall, sleep, people, cold, tell, same, bone, move, leave, ghost, friend, past, bloody, light, rain, call, speak, help, stranger, fight, play, moon, kill, train, fell, john, run, tear, keep, ship, wall, walk, black, march, white, body, place*. Абстрактные: *point, learn, word, course, end, god, mind, sense, reason, peace, psychiatry, seem, wait, past, forget, love, heart, great, fear, dignity, feel, hate, wrong, trouble*.

Как упоминалось выше, деления корпуса британской поэзии на тематические группы РЕАЛИИ ТЫЛА и РЕАЛИИ ФРОНТА не прослеживается, здесь можно выделить четыре общих фрейма: MAN, NATURE, DEATH, WAR. Фрейм WAR¹ представлен вербализаторами *enemy, gun, soldier, wound, fire* и другими и включает субфрейм ARMS & MILITARY MACHINERY (*gun, ship, train, truck, motor-bike* и пр.). Фрейм DEATH² представлен вербализаторами *blood, dust, grave, death, die, lie, dead* и пр. Фрейм NATURE представлен

¹ Проанализировано в 6.1.

² Проанализированное в 6.1.

вербализаторами *fire, sky, air, rain, morning, sun, wind, night, wave* и др. Фрейм MAN представлен вербализаторами *child, heart, head, body, life, love, learn, hear, word, sense, psychiatry* и другими, сюда же входит субфрейм PSYCHIC REFLECTION, EMOTIONS & RELATIONS (*love, great, fear, dignity, feel, hate, wrong, trouble, remember, word, meeting* и пр.).

Согласно TextAnalyst, в ближней периферии лексемами с наибольшим весом и числом семантико-синтаксических связей являются: *arms, birds, child, ergebe, eyes, fear, hill, human, Ich, learn, man, mich, question, rains, remember, rolls, scarlet, ships, sire, sleeve, throw, trains, trucks, violence, wind, wing, words; art, ghosts, saint, sleep, smell, toys, breath, friend, pilot, rot, wife, meet; blood, boy, earth, God, homes, wood*. Эти лексемы трансформируются в концепты и фреймы, среди которых наиболее интересными, на наш взгляд, являются CHILD, REMEMBRANCE, FEAR, GHOST, чьи контексты мы и проанализируем.

Концепт CHILD в англоязычной военной поэзии часто акцентирует такие черты, как агрессивность, первобытность, ребячливость, инфантилизм. Это, как можно видеть из контекстов соответствующей лексемы, связано в том числе с модой на психоанализ и аналитическую психологию в первой трети XX века. Робинсон Джефферс в стихотворении о речи Гитлера в Данциге (1939) рассуждает о том, что «гений, талант, смелость и преданность коренятся в душе больного ребенка», и сравнивает «вой» диктатора с собой и своей поэзией — «исполненной крови и варварских символов, чрезмерно болезненной, бесчеловечной, как крик ястреба»: *This morning Hitler spoke in Danzig, we heard his voice. / A man of genius: that is, of amazing, / Ability, courage, devotion, cored on a sick child's soul, / Heard clearly through the dog — wrath, a sick child / Wailing in Danzig, invoking destruction and wailing at it... / Well: the day is a poem: but too much / Like one of Jeffers', heavy with blood and barbaric symbols, / Painful to excess, inhuman as a hawk's cry (Robinson Jeffers, 9, 19, 1939)*. Герой стихотворения Генри Рида военный психоаналитик описывает потенциального противника как «неразвитых детей»: *...They are, by and large, undeveloped children, / Or adolescents, at most. It is perhaps to do with physique... / Undeveloped children, I have said, and like children, / As those of you with*

families will know, / They are sometimes very aggressive, even the gentlest of them (Henry Reed, *Psychological Warfare*).

В аналогичном ключе — с акцентом на воинственности, смешанной с наивностью, — описываются и свои, англо-американские, солдаты: ...They implement with knives their patient wonder / and wander *like children* the iron techniques of death (Karl Shapiro, *Military Camp*); *The good-bad boys of circumstance and chance*, / Whose bucket-helmets bang the empty wall (Karl Shapiro, *Troop Train*). Отношение к войне этих «детей» неоднозначно — нередко она восхваляется как примордиальная стихия, возвращающая к первобытному инстинкту, «древнейшей романтике, сладким медом сочащейся из сердец»: ...Death was young again; patron alone / Of healthy dying, premature fate-spasm. / Fear made fine bed-fellows. Sick with delight / At life's discovered transitoriness, / Our youth became all-flesh and waived the mind. / Never was such antiqueness of romance, / Such tasty honey oozing from the heart... / And *we recall the merry ways of guns* — / Nibbling the walls of factory and church / *Like a child*, piecrust; felling groves of trees / *Like a child*, dandelions with a switch. / Machine-guns rattle *toy-like* from a hill, / Down in a row the brave *tin-soldiers* fall: / A sight to be recalled in elder days, / When learnedly the future we devote / To yet more boastful visions of despair (Robert Graves, *Recalling War*).

Заметим отличие указанных признаков концепта от признаков аналогичного концепта РЕБЕНОК в советской поэзии и произведениях о советских реалиях того времени (ср.: «*Мы детям клянемся, клянемся могилам*, / Что нас покориться никто не заставит!»; «*Пусть женщины выше поднимут детей*, / *Спасенных от тысячи тысяч смертей*» (А. Ахматова); «*Как кринки несли нам усталые женщины*, / *Прижав, как детей, от дождя их к груди...*» (К. Симонов); «*И мальчик облекался в латы*, / *За мать в воображеньи ратуя*» (Б. Пастернак) и т. п.). Объясняется это тем, что в годы Великой Отечественной войны дети наравне со взрослыми выносили тяготы войны и тяжелый труд в тылу; кроме того, сам концепт РЕБЕНОК, вероятно, в русскоязычной культуре обладает большей сакральностью и романтичностью, чем соответствующий концепт CHILD в англоязычной культуре. Впрочем,

лексема *boy* в англоязычной поэзии также может использоваться во вполне романтическом смысле, она олицетворяет представителей молодого поколения, которые стали жертвами войны: And far from the dead *boy* who left so long ago (Thomas McGrath, *Homecoming*); Of fear a *boy* had buried not too deep (John Ciardi, *Port of Aerial Embarkation*).

Концепт REMEMBRANCE (MEMORY), который репрезентирован как основным вербализатором — *remember*, так и посредством вербализаторов концепта NATURE AND LANDSCAPE: I think continually of those who were truly great. / Who, from the womb, *remembered* the soul's history / Through corridors of light where the hours are *suns* / Endless and singing... Near the *snow*, near the *sun*, in the highest *fields* / See how these names are feted by the waving *grass* / And by the streamers of white *cloud* / And whispers of *wind* in the listening *sky* / The names of those who in their lives fought for life... / Born of the sun they traveled a short while towards the *sun* / And left the vivid *air* signed with their honor (Stephen Spender, *I Think Continually of Those Who Were Truly Great*). SUN в данном тексте символизирует время, а также объект, дарующий жизнь, в том числе вечную.

Нельзя не отметить акцентирования концепта FEAR, которое встречается во многих стихотворениях, например: ...Death was young again; patron alone / Of healthy dying, premature fate-spasm. *Fear* made fine bed-fellows. Sick with delight / At life's discovered transitoriness, / Our youth became all-flesh and waived the mind... (Robert Graves, *Recalling War*); Somehow we see ourselves in photographs / Held in our hands to show us back our pride / When, aging, we recall in epitaphs / The faces just behind and to each side. / ...You feel the faces soften into sleep, / Or tense upon the fraught and falling arc / Of *fear* a boy had buried not too deep (John Ciardi, *Port of Aerial Embarkation*); I hear the scream of bombs / And see the small feet flying, / *Fear*-whitened faces staring, / Huddled in death, / Death that need not have been (Flora Hendricks, *Death That Need Not Have Been*); When greed sups with the devil / And principles are shed / When power is corrupted / And truth stands on its head / When fear pervades the confused mind / And fools are easy

led / When reason is a prisoner / The bell tolls for the dead
(Tom Walker, *Bloody War – The Cause*).

Не случайно появление среди заметных концептов англоязычной военной поэзии концепта GHOST: ...*ghosts* foreknew the naked stars that will skin you alive; Incarnate *ghosts* have sturdily reprov'd / The reason's angled neatness, Now his sweet singing *spirit* leaves the orange grove; / The blood – hibiscus and dust wheeling suns / Burnt through tranced leaves above earth – resting body / Of Alun, son of the grey valleys (John Berryman, *Elegy, for Alun Lewis*); Seldom the *ghosts* come back bearing their tales (Howard Nemerov, *The War in the Air*); They must be very tired, those *ghosts*; no flesh sustains them / And the bones rust in the rain (Thomas McGrath, *All the Dead Soldiers*) и т. д. С одной стороны, этот концепт перекликается с религиозно-мифологическим сознанием, с другой, – на наш взгляд, он показывает, что в отсутствие визуализации событийной реальности, реальных военных действий англоязычные авторы прибегают к фантазийной картине войны.

В фантазмагоричных образах мы вновь наблюдаем кричащие, порой мифопоэтические образы смерти. Ср. стихотворение Дж. Чиарди о погибшем и как бы воскресшем пилоте: ...Suspended from / The chords of fifty centuries / Descending to their past – a ripping sound / That snags him limb by limb. / He tears and falls / Louder than any fruit dropped from the trees, / And finds himself in mud on hands and knees. / ...And starts a civilization... / Spaceman Crusoe at the wreck of time... (John Ciardi, *The Pilot in the Jungle*). Ср. также фантазмагорические образы, возникающие у автора во время фортепианного концерта в военное время (1943): ...But these he imagined... / he was offering, really, a boy's head / on an airplane propeller; / he was shouting to the rustled programs / that these stained curls were beyond their kisses. / And he marched through the keys, / drumming that all fortresses were taken – / and no applause please / because the hands striking the piano / Were bloody stumps (Florence Kerr Brownell, *Concert, in Wartime*). Ср. также имажистские образы в стихотворении *Moonlight Alert* Айвора Уинтерса.

Еще раз подчеркнем, что эти образы, какими бы яркими они ни были, не отражают реальности войны, являясь плодами воображения поэтов.

4.6.3. Дальняя периферия концептосфер русскоязычной и англоязычной военной поэзии

Дальняя периферия семантического пространства /концептосферы стихов о войне охватывает диапазон 5—2. Это наиболее обширная лексико-семантическая область, включающая множество семантических микронуклеусов, уточняющих и распространяющих основные концепты. Здесь так же, как и в ближней периферии, преобладают тематические/концептуальные поля.

Рассмотрим **дальнюю периферию концептосферы советской поэзии о Великой Отечественной войне**. Соотношение конкретных и абстрактных понятий здесь — 207 против 237. Слова, обозначающие конкретные понятия, детализируют реалии фронта, например: *бинт, гореть, грудь, мальчик, мальчишка, окоп, след, сырой, тащить, шаг, атака, бежать, гул, движенье, дерево, дорога, заря, землянка, черный, зола, могила, пехота, пламя, пот, сапог, умереть, усталый, фронт, холодный, чужой, эшелон* и др. Например: «А я должна приросшие бинты / С него сорвать одним движеньем смелым» (Ю. Друнина); «Все то, что мы в окопах защищали / Иль возвращали, кинувшись в прорыв, / Беречь и защищать вам завещали, / Единственные жизни положив» (Р. Гамзатов); «Примерзший стебель ковыля, / Едва заметные пригорки, / Разрывов дымные следы, / Щепоть рассыпанной махорки / И льдинки пролитой воды» (К. Симонов); «Осталась только сила ветра, / И грузный шаг по целине, / И те последних тридцать метров, / Где жизнь со смертью наравне!» (К. Симонов); «Встав на растоптанном снегу, / Готовясь броситься в атаку, / Винтовку вскинул на бегу» (К. Симонов); «Как зябко спать в сырой копне / В осенний холод, в дождь, / Спиной к спине — и все ж во сне / Дрожать. Собачья дрожь» (А. Твардовский); «Вперед дорога — не назад, / Вперед — веселый труд» (А. Твардовский); «Спят в эшелоне бывшие солдаты... / В товарных, на полу, на сквозняке» (А. Пиневиц) и др.

В дальней периферии также находим слова, обозначающие образы гражданской жизни, уточняющие детали род-

ной природы и повседневного быта: *двор, детство, теплый, тихий, конь, белый, крыльцо, порог* и др. Например, «Ах, война, что ж ты сделала, подлая: / Стали тихими наши дворы» (Б. Окуджава); «Как в детстве, где-нибудь в ночном, / Когда коней пасли...» (А. Твардовский); «Белорусские ветры пели / О рязанских глухих садах» (Ю. Друнина); «Морозами неслыханной суровости / Пожгло и уничтожило сады» (А. Твардовский).

В этой области актуализируется больше, чем в центре и ближней периферии, имен абстрактных и духовно-нравственных понятий, личностных качеств, чувств (эмоций) и символов, в том числе связанных с миром и войной, жизнью и смертью, Родиной: *весна, вечный, вина, грусть, душа, любовь, ожить, быть, вставать, крест, Москва, оставить, память, Родина, Россия, береза, русский, сад, свет, слава, спасти, совесть* и др. Например, «Пахнет в хате квашней и дымом, / За порогом бурлит весна» (Ю. Друнина); «Весеннее дыханье родины / Смывает след зимы с пространства / И черные от слез обводины / С заплаканных очей пространства» (Б. Пастернак); «Ты вспоминаешь родину — такую, / Какой ее ты в детстве увидел» (А. Твардовский); «И родина, как голос пущи, / Как зов в лесу и грохот отзыва, / Манила музыкой зовущей / И пахла почкою березовой» (Б. Пастернак); «Был и есть у России / Вечной прочности вечный запас» (Ю. Друнина); «...Деревни, деревни, деревни с погостами, / Как будто на них вся Россия сошлась, / Как будто за каждую русской околицей, / Крестом своих рук ограждая живых, / Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся / За в бога не верящих внуков своих...» (К. Симонов); «О тебе мне шептали кусты / В белоснежных полях под Москвой» (А. Сурков); «Мечтателю и полуночнику / Москва милей всего на свете. / Он дома, у первоисточника / Всего, чем будет цвести столетье» (Б. Пастернак); «Прошли года. Деревья умерщвленные / С нежданной силой ожили опять, / Живые ветки выдали, зеленые...» (А. Твардовский); «И вы должны, о многом беспокоясь, / Пред злом ни шагу не подавшись вспять, / На нашу незапятнанную совесть / Достойное равнение держать» (Р. Гамзатов) и т. п. Таким образом, мы видим, что в дальней периферии семантической

структуры военных поэтических текстов продолжается развитие упомянутых выше концептов-фреймов РЕАЛИИ ФРОНТА и РЕАЛИИ ТЫЛА, они детализируются при помощи анагогических понятий и символов.

Кроме этих двух концептов-фреймов с помощью кластеризации (TextAnalyst) выявляются лексемы, имеющие наибольшую в этой области частотность и семантико-синтаксические связи: ВЕСНА, МАЛЬЧИК (мальчишка), ОРУЖИЕ (танк), МОГИЛА, ВОЙСКО (пехота), ГОЛОС (речь), РОССИЯ, СБЕРЕЖЕНИЕ (беречь, сберечь). Эти лексемы можно трактовать как имена важных концептов и символов, а их контексты позволяют сделать выводы о таких их признаках, как: ВЕСНА — мир, возрождение, освобождение, Победа, жизнь; МАЛЬЧИК — ребенок, тот, кого надо защищать; юноша, солдат, воин, защитник и т. д.

Можно сказать, что сильный эмоциональный накал и возвышенная духовность — признаки советской поэзии военных лет. Абстрактные, обобщенные, собирательные духовные, нравственные понятия, понятия чувств, моральных и личностных качеств и другие составляют духовно-нравственную канву содержательно-смыслового наполнения советских текстов о войне. Их можно разделить на интеллективные и эмотивные. Среди интеллективных концептов, абстрактных, духовных понятий и символов заметными кажутся такие, как *ждать, вернуться, смерть, память, надежда, слава, великий, грозный, Родина, победа, ожить, душа, вечный, свет, спасти*. Среди эмотивных концептов, понятий чувств, эмоций, моральных и личностных понятий выделяются *горе, грусть, вина, любовь, страх, усталость, мужество, долг, сила, боль, совесть, добрый, злой, праведный, жалость, суровость (строгость)* и др.

Конкретные понятия и персоналии: предметы, явления, люди, участвующие в тех событиях, — обеспечивают детальную «прорисовку» («выписывание», «профилирование») фона, на котором изображаются те или иные фигуры — микротемы стихотворений. Среди актуализируемых конкретных понятий выделяются как реалии фронта, так и реалии тыла. Реалии военной и гражданской жизни тесно переплетаются, что можно связать с тем, что Великая Отечественная война затронула весь советский народ и все стороны жизни страны.

Это такие понятия как, например, *солдат, окоп, след, сырой, тащить, шаг, атака, бежать, гул, движение, дорога, заря, землянка, черный, зола, могила, пехота, пламя, пот, сапог, умереть, фронт, холодный, чужой, эшелон, двор, детство, сад, деревня, хата* и др.

На наш взгляд, важными являются не только центральные единицы, выявленные кластерным анализом, но и второстепенные. Так, важны такие фреймы-символы советской поэзии военных лет и группирующиеся вокруг них слоты, как:

- пожар — война, разрушение, уничтожение;
- зима — война, смерть, опустошение, потеря;
- порог (крыльцо) — кров, дом, тепло, родные, уход из дома, выход в опасность, отправка в военный поход;
- путь (дорога) — время, тяготы войны, ратное дело, труд, трудности, обратный путь — возвращение домой, к близким;
- деревня — Русь, священное, предки, дом, жильё, отрада, тепло;
- сад — жизнь, конец войны, мир, расцвет, счастье.

Проанализируем **дальнюю периферию концептосферы англоязычной военной поэзии**. Соотношение конкретных и абстрактных понятий здесь — 443 против 186. Слова, обозначающие конкретные понятия, включают такие, как: *loud, city, truck, water, wound, calendar, clean, fruit, sound, apple, army, touch, fire, side, fly, strong, winter, bomb, falling, wife, watch, road, hang, sharp, walking, note, bring, scar, wounded, blind, numb, count, green, song, son, lay, boot, tooth, slow, laugh* и пр. Слова, обозначающие абстрактные понятия, включают такие, как: *harm, courage, sight, recall, brave, strange, human, liberty, plain, fine, soul, refer, respect, spirit, self-conscious, future, pain, suffer, part, various, violence, poor, hard* и пр. Тематически их так же, как и лексемы ближней периферии, можно объединить в самые общие тематические/концептуальные поля MAN, WAR, DEATH, NATURE.

В большинстве стихотворений, отражающих дальнюю периферию поэзии, прослеживается взаимодействие вышеуказанных четырех тематических полей и нескольких фреймов. Например, в стихотворении *Defending the Harbour* Роя Фуллера элемент *human (MAN)* сочетается с элементами *sea*

(NATURE) и trawlers, gun (WAR), что отражает неестественное, негармоничное взаимоотношение природного, человеческого и военной техники: We form a company to help defend / The harbour. Close against the quay a landed / Monster of trawlers huddles, grey with sides / Flaking, and aft a grey untidy gun. Употребление прилагательного pathetic по отношению к burden of human purpose, а также ряда других оценочных лексем (monster, untidy, ache, malignant) придает негативную окраску происходящим событиям: A climbing street links seas and town: we watch / Its pathetic burden of human purpose. Семантический центр MAN представлен лексемой faces, которая участвует в метонимическом переносе «лица — люди», причем человек представлен как игральная карта в непонятной игре: All / The faces in my section are thumbed and known / As a pack of cards, and all the characters / Group and speak like a bad familiar play. По отношению к человеку использованы вербализаторы дальней периферии kind, speaking, strength, характеризующие моральные и физические качества, таким образом показан испытывающий характер войны, которая создает героев и мучеников: Gently we probe the kind and speaking faces / For the strength of heroes and for martyrs' bones. Представлено и тематическое/концептуальное поле DEATH (лексемы martyrs, bones), также через предчувствие катастрофы, усмотренной в природных объектах sand, stone, grass: But we suspect already / That constant ache as something malignant and / Descry unspeakable deeps in the boring sand / And on the quay, in our imagination, / The grass of starvation sprouts between the stones. Помимо этого, природные явления используются для метафорического обозначения времени: And nothing happens but the passage of time, / The monotonous wave on which we are borne and hope / Will never break.

В стихотворении El Alamein Джона Джармейна топоним пустыня Эль-Аламейн отражается в картине мира обычного человека и военного, принимавшего участие в сражении, проходившем в этой пустыне осенью 1942 года. В сознании человека, имеющего опосредованное отношение к войне, данный топоним фиксируется посредством лексемы ближней периферии семантического центра flower: There are flowers now, they say, at El Alamein <...> So those that come to view

that vacant scene, <...> Will find the lilies grow — / Flowers, and nothing that we know. Сознание непосредственного участника боевых действий наслаивает на образ пустыни детали и предметы, относящиеся к концепту «война», для усиления отрицательного эффекта используются показатели темного цвета dark, black: The tanks, the guns, the trucks, / The black, dark smoking wrecks <...> / Yes, flowers in the minefields now <...> / Others will come who cannot understand, / Will halt beside the rusty minefield wires and find there, flowers. В контексте противопоставления духовно-нравственные понятия, эмотивные показатели pride, hope, holy сочетаются с негативными сопутствующими войны — murk, harm: And to those that heard the bells what could it mean, / The name of loss and pride, El Alamein? / Not the murk and harm of war. / But their hope, their own warm prayer. В сознании участника войны пустыня зафиксирована деталями концепта DEATH: Where death remains and agony has been <...> And there our dead will keep their holy ground, репрезентировано равно как место хаоса и безумия, так и победы: It will become a staid historic name, / That crazy sea of sand! <...> El Alamein will still be only ours / And those ten days of chaos in the sand.

В стихотворении I Think Continually of Those Who Were Truly Great Стивена Спендера абстрактные концепты DEATH и MEMORY вербализованы в том числе посредством единиц дальней периферии концептосферы, относящихся к фрейму NATURE: Near the snow, near the sun, in the highest fields / See how these names are feted by the waving grass / And by the streamers of white cloud / And whispers of wind in the listening sky. / The names of those who in their lives fought for life». Вербализатор sun в данном тексте — показатель времени: Through corridors of light where the hours are suns / Endless and singing; объект, способный оживлять: Born of the sun they traveled a short while towards the sun.

Текст Джона Пудни For Johnny, демонстрирующий фольклорные мотивы, имплицитно обращен к близким и друзьям погибшего летчика (концепт DEATH). Здесь используется слияние имени собственного и лексем дальней периферии cloud, star, обозначающих небесные и астрономические объекты, для метафорического изображения близости к природе

при жизни и растворения в ней после смерти (концепт NATURE): ...For Johnny-head-in-air <...> For Johnny-in-the-cloud <...> For Johnny-the-bright star. Концепт MEMORY репрезентируется посредством лексем keep, tear, head, метонимического переноса «дети — молодое/будущее поколение»: And keep your tears / For him in after years. / Better by far / For Johnny-the-bright-star, / To keep your head, / And see his children fed.

К слову, три последних стихотворения, выбранных в качестве иллюстраций, относятся к редким англоязычным стихотворениям о войне, которые выражают духовность и героику подвига.

Сделаем несколько выводов о наших результатах. Начнем с цитирования мнения Р. Лангакера о перспективе словесного изображения какой-либо предметной ситуации. Он утверждает, что чем больше внимания уделяется фону, тем больше объективности в изображении ситуации, а чем больше внимания концентрируется на мыслях, впечатлениях, чувствах и ощущениях субъекта, тем больше субъективности в изображении ситуации [Evans, Green 2006: 544]. Согласно Лангакеру, разница между эксплицитным представлением фона (объективным описанием, или objective construal) и имплицитной зависимостью от фона (субъективным описанием, или subjective construal) составляет разницу в перспективе трактовки предметной ситуации. Иначе говоря, когда внимание индивидуума полностью фокусируется на нем самом, на передний план выходит субъективное описание ситуации, а объективное описание ситуации отступает на задний план. Когда же внимание индивидуума полностью фокусируется на внешнем объекте (объектах), субъективная трактовка (осознание себя) отходит на второй план и более выраженным оказывается объективное описание ситуации.

Советской поэзии свойственна панорамная перспектива изображения событий и вместе с тем — тщательная прорисовка (profiling) деталей окружающей действительности, фактов и образов, насыщенность словами, выражающими конкретные понятия. Это свидетельствует о погруженности авторов в события, об активном участии в них и богатом опыте и при этом о фокусировании внимания не на субъективных обстоятельствах и впечатлениях, но на эмпатически сопере-

живаемом описании событий в ракурсе всего народа (в том числе на примере отдельных его представителей). Каждый поэт как бы говорит от лица всего общества, лирический герой отождествляется с другими фигурами, а авторское «я» сливается с «мы» целой страны. Будучи в гуще событий, авторы стихотворений стремятся как можно более объективно и детально отразить окружающую действительность, притом что каждому из них свойственны особый стиль и ракурс представления предметной ситуации.

Итак, панорамность изображения в советской военной поэзии, прорисовка деталей с помощью конкретно-понятийной лексики (наряду с абстрактно-понятийной лексикой), повторяемость ключевых слов в большинстве произведений свидетельствуют о высокой объективности представления авторами этого этапа в жизни нашей страны независимо от уникальности идейных посылов и стилистики каждого поэта. Субъективное же описание ситуации в большей степени свойственно англоязычной поэзии о Второй мировой войне.

В числе семантических макронуклеусов советской поэзии (показатели семантического веса — 60—20) — имена абстрактных и обобщенных понятий: *война, ждать, знать, вернуться, смерть*; здесь также обнаруживаем элементы базового уровня, выраженные конкретными существительными: *солдат, земля*. Соотношение абстрактных и конкретных (прототипических) понятий в центре — 5 против 2. Семантические макронуклеусы соответствуют центральным концептам корпуса советских поэтических текстов о войне, сюда входят ВОЙНА, ОЖИДАНИЕ, ВОЗВРАЩЕНИЕ, СМЕРТЬ, СОЛДАТ, ЗЕМЛЯ (два последних — символы).

Выводы относительно концептуального состава англоязычной военной поэзии сведем к ряду тезисов:

- большая степень антропоцентричности, индивидуализма, сенсуализма, эмоциональности и оценочности по сравнению с советской поэзией;
- радикальный эмпиризм, проявление индуктивного склада мышления (в отличие от дедуктивного склада мышления русскоязычных авторов, проявляющегося в их произведениях);
- психологизация событий и явлений;

- в большинстве произведений — отражение ролевой позиции «наблюдателей», диссоциированность по отношению к изображаемым событиям; выражение в основном субъективного состояния или настроения; наблюдение за событиями и протагонистами сквозь призму личного восприятия и эмоций;
- преимущественная фантазийность, метафоричность образов, ассоциативное восприятие реальности; здесь не работает закон Р. Лангакера, что чем больше внимания уделяется фону, тем больше объективности; в изображении ситуации в поэзии отдельных непосредственных участников военных действий есть достаточно объективная прорисовка окружающей реальности, но это встречается нечасто;
- преобладание критической, негативной оценки происходящего как у участников, так и у свидетелей военных действий;
- своеобычность стилистики и тематического сообщения каждого автора;
- говоря о пространственно-временной перспективе в англоязычной поэзии, отметим в ней подобие кинематографической технике кадрирования крупных и средних планов и редкое присутствие дальних и общих планов; это можно связать а) с преобладанием эмпиризма в англоязычной словесности, воплощающегося в потоках чувственных данных, когда сознание реципиента следует за фрагментами чувственного поля, б) с отсутствием видения конечной цели и смысла происходящего с лирическими героями большинства проанализированных стихов, благодаря чему многие произведения аморфны, не обладают логической целостностью.

Выводы и заключение

В целом семантический анализ в совокупности с кластерным анализом, контекстуальным анализом и интерпретацией позволил нам выделить следующие основные концептуальные единицы в корпусе советских и англоязычных поэтических произведений о Великой Отечественной и Второй мировой войнах.

Таблица 4

**Концептосферы советской и англоязычной поэзии
о Великой Отечественной и Второй мировой войнах**

Table 4

**The conceptual framework of the Soviet
and English-language poetic works about World War II**

		Абстрактные (обобщенные, собирательные) понятия/концепты, духовные символы	Конкретные понятия/концепты, архетипические символы
Центр	Советская поэзия	ВОЙНА, ОЖИДАНИЕ, ВОЗВРАЩЕНИЕ, СМЕРТЬ	СОЛДАТ, ЗЕМЛЯ
	Англоязычная поэзия	WAR, DEATH, LIFE	MAN (SOLDIER), HAND, EYE, FACE, AIR
Ближняя периферия	Советская поэзия	РУССКИЙ (РУССКАЯ), РОДНОЕ (ДОРОГОЕ, МИЛОЕ), помнить, забыть, послать, живой, сила, сон, боль, мертвый, победа, беда, тишина и др.	Фрейм РЕАЛИИ ФРОНТА, сопутствующие конкретные понятия: БОЙ, ОГОНЬ (ПЛАМЯ, ПОЖАР); ШИНЕЛЬ; ТОВАРИЩ (ДРУГ, ДРУЗЬЯ, РЕБЯТА); ПУЛЯ (= СМЕРТЬ), СНЕГ, ВОДА, ВОЗДУХ, ЛЕС, ТРАВА (= ПРИРОДА), боец, ночь, зима, враг, окно, кровь, дым, путь, убить и др. Фрейм РЕАЛИИ ТЫЛА, сопутствующие конкретные понятия: ДОМ (ХАТА); деревня, МАТЬ; СЫН; СЕРДЦЕ, ЖЕНЩИНА (ЖЕНА), слеза (слезы), РЕБЕНОК и др.
	Англоязычная поэзия	Субфрейм PSYCHIC REFLECTION, EMOTIONS & RELATIONS: learn, hear, word, sense, psychiatry, remember, meet, love, great, fear, dignity, feel, hate, wrong, trouble и пр.	Фреймы MAN, WAR, DEATH, NATURE, сопутствующие конкретные понятия: CHILD, heart, head, body, ENEMY, gun, wound, fire, blood, dust, grave, death, die, lie, dead; sky, rain, morning, sun, wind, night, wave Субфрейм ARMS & MILITARY MACHINERY: gun, ship, train, truck, motor-bike и пр.

Окончание табл. 4

End of Table 4

		Абстрактные (обобщенные, собирательные) понятия/концепты, духовные символы	Конкретные понятия/концепты, архетипические символы
Дальняя периферия	Советская поэзия	ВЕСНА, РОССИЯ, РОДИНА, СБЕРЕЖЕНИЕ (БЕРЕЧЬ, СБЕРЕЧЬ), спасение (спасти), тяжесть (тащить), шаг, ГОЛОС (РЕЧЬ), движение, усталый, холодный, чужой, слава, совесть, вечный, вина, грусть, душа, любовь, ожить, быть, вставать, крест, Москва, оставить, память, свет и др.	Фрейм РЕАЛИИ ФРОНТА: ТАНК (ОРУЖИЕ), ПЕХОТА (ВОЙСКО), МАЛЬЧИК (МАЛЬЧИШКА), атака, бежать, гул, бинт, гореть, грудь, окоп, след, сырой, дерево, дорога, заря, землянка, черный, зола, МОГИЛА, пламя, пот, сапог, умереть, фронт, эшелон и др. ФРЕЙМ РЕАЛИИ ТЫЛА: двор, детство, теплый, тихий, конь, белый, крыльцо, ПОРОГ, береза, сад и др.
	Англоязычная поэзия	Субфрейм PSYCHIC REFLECTION, EMOTIONS & RELATIONS: harm, courage, sight, recall, brave, strange, human, liberty, plain, fine, soul, refer, respect, spirit, self-conscious, future, pain, suffer, part, various, violence, poor, hard и пр.	Фреймы MAN, WAR, DEATH, NATURE: loud, city, truck, water, wound, calendar, clean, fruit, sound, apple, army, touch, fire, side, fly, strong, winter, bomb, falling, wife, watch, road, hang, sharp, walking, note, bring, scar, wounded, blind, numb, count, green, song, son, lay, boot, tooth, slow, laugh и пр.

По составу концептосферы советской и англоязычной поэзии о войне в основном остаются константными, хотя концептуальная структура (иерархия) может видоизменяться в зависимости от избранного материала и от параметров автоматического анализа. Поэтому составляющие концептуальную структуру (иерархию) единицы могут варьироваться в других исследованиях.

Сделаем также обобщающий сопоставительный анализ результатов исследования советской поэзии о Великой Отечественной войне и англоязычной поэзии о Второй мировой войне.

Описание войны в англоязычной военной поэзии отражает *диссоциированную* (дистанцированную) позицию, или взгляд на войну со стороны, как бы из зрительного зала. Эта позиция близка к отчуждению и субъективна. Центром событий представляется сам индивидуум, его внимание фокусируется на собственной перцепции, а не на реальности как таковой. Существенным становится субъективное описание ситуации, а объективное ее представление отступает на задний план. Отсюда — нередкое философствование, «мудрствование», поэтическое домысливание, сложные ассоциативные метафоры, фантазмагоричность, мифопоэтичность образов, частая концентрация на образах смерти и хаоса вне высших смыслов.

В *ассоциированной* (вовлеченной) позиции, какую мы находим в советской поэзии, в описании войны нет домысливания, метафорической фантазмагии и отвлеченного философствования. Там лирический герой участвует в гуще событий, знает реалии войны, осязает в первую очередь конкретику, сообразную целям. Будучи субъектом ратного дела, ощущая единение с народом, имея высший смысл защиты Отечества и самой жизни, он не поражается ликам смерти.

Несмотря на богатые впечатления, советские поэты стремятся выразить субъективные обстоятельства через объективную конкретику событий, а не наоборот, притом что каждому из них свойственны особый стиль и ракурс представления предметной ситуации. Панорамная перспектива изображения событий сочетается с тщательной и глубоко эмоциональной прорисовкой деталей окружающей действительности, реальных фактов и образов.

Стержневым для обобщенного образа автора в советской поэзии являются целостность видения ситуации и реализм. Поэтому в ней мы находим не только ближние и средние, но и дальние, общие планы повествования (причем объективность сохраняется и в такой перспективе). Кроме того, стержневым является ясное осознание духовного смысла происходящего. В отличие от англоязычной военной поэзии, здесь мало субъективной, индивидуалистической эмоциональности и оценочности, однако отчетливо ощущается возвышенный пафос, крайне редкий у англоязычных авторов.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография / Н. Ф. Алефиренко. Волгоград: Перемена, 2006. 228 с.
2. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с.
3. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1996. 104 с.
4. Бабушкин, А. П. Когнитивная лингвистика и семасиология / А. П. Бабушкин, И. А. Стернин. Воронеж: Ритм, 2018. 229 с.
5. Балашов, Н. И. Проблемы референтности в семиотике поэзии / Н. И. Балашов // Контекст-1983. Литературно-теоретические исследования. М., 1984.
6. Болдырев, Н. Н. Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. М., 2001. С. 27–31.
7. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие / Н. С. Болотнова. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.
8. Брунова, Е. Г. Автоматизированный контент-анализ мнений трех предметных областей / Е. Г. Брунова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12, ч. 2. С. 43–47.
9. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филол. науки. 2001. № 1. С. 64–72.
10. Воробьева, О. П. Стилистика текста / О. П. Воробьева // Стилистика английского языка: учеб. для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. Киев: Выща шк., 1991. С. 201–235.
11. Гегер, А. Э. Отечественные компьютерные программы для анализа качественных данных: Vega и TextAnalyst / А. Э. Гегер, С. А. Гегер // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по материалам XLVI Междунар. науч.-практ. конф. № 2 (43). Новосибирск: СибАК, 2015.

12. Долгова, И. А. Концептуальное поле «терпение» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Долгова. Волгоград, 2006. 26 с.
13. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996.
14. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
15. Карасик, В. И. Транслируемость концептов / В. И. Карасик // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы междунар. симп. Волгоград, 22–24 мая 2003 г.: в 2 ч. Ч. 2: тез. докл. Волгоград: Перемена, 2003. С. 17–19.
16. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. М.: Гнозис, 2013. 320 с.
17. Красных, В. В. Основы психолингвистики и основы коммуникации / В. В. Красных. М.: Гнозис, 2001. 164 с.
18. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В. П. Нерознака. М., 1997. С. 280–289.
19. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. М.: Языки рус. культуры, 1996. 464 с.
20. Молчанова, Г. Г. Семантика художественного текста / Г. Г. Молчанова. Ташкент: Фан, 1988. 163 с.
21. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. М., 1988. 168 с.
22. Огнева, Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева. 2-е изд. доп. М.: Эдитус, 2013. 282 с.
23. Паршин, П. Б. Контент-анализ // Энциклопедия «Кругосвет». URL: www.krugosvet.ru
24. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж, 2001. 191 с.
25. Солошенко, А. Н. Автоматизированный анализ новостного потока из сети Интернет с учетом семантики текстов / А. Н. Солошенко, Ю. А. Орлова, В. Л. Розалиев // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. Вып. 25 (152), т. 22. С. 80–85.
26. Стернин, И. А. Национальное коммуникативное поведение как предмет лингвистического и методического описания /

И. А. Стернин // Русское и французское коммуникативное поведение. Вып. 1. Воронеж: Истоки, 2002. С. 5–10.

27. Стернин, И. А. Типы значений и концепт / И. А. Стернин // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. / под ред. проф. Е. С. Кубряковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 257–282

28. Стернин, И. А. Психолингвистика и концептология / И. А. Стернин. URL <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvistika-i-kontseptologiya>.

29. Фаткулин, Б. Г. Использование современных инструментов прикладной лингвистики для извлечения терминологических единиц (на примере обработки раздела «Афганистан» в китайской онлайн-энциклопедии BAIDU) / Б. Г. Фаткулин // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. 2013. № 3 (12). С. 143–147.

30. Фаткулин, Б. Г. Использование теории множеств в сравнительно-логических методах выделения текстов на исламскую тематику в процессе мониторинга сетевых ресурсов / Б. Г. Фаткулин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2016. Т. 13, № 3. С. 22–26.

31. Шайкевич, А. Я. Дистрибутивно-статистический анализ текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. Я. Шайкевич. Л., 1982.

32. Шелестюк, Е. В. О лингвистическом исследовании символа / Е. В. Шелестюк // Вопросы языкознания. 4. М.: Наука, 1997. С. 125–143.

33. Шелестюк Е. В. Представленность символа в структуре понятия / Е. В. Шелестюк // *Mentalitat und Mentales* / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2003. S. 32–45.

34. Шелестюк, Е. В. Этапы и закономерности смыслового восприятия текста / Е. В. Шелестюк // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. Вып. 2. С. 85–90.

35. Шелестюк, Е. В. Опыт описания концептуального состава корпуса поэтических произведений о Великой Отечественной войне / Е. В. Шелестюк // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 208–216.

36. Boroditsky, L. Linguistic relativity / L. Boroditsky // *Nadel L. Encyclopedia of cognitive science*. London: Macmillan, 2003. P. 917–922.

37. Croft, W. Explaining Language Change: An Evolutionary Approach / W. Croft. London: Longman, 2000.

38. Evans, V. *Cognitive Linguistics: An Introduction* / V. Evans, M. Green. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2006. 830 p.

39. Keller R. *On Language Change: The Invisible Hand in Language* / R. Keller. London: Routledge, 1994.

40. Langacker, R. *Concept, Image, Symbol: The Cognitive Basis of Grammar* / R. Langacker. 2nd ed. Berlin: Mouton de Gruyter, [1991] 2002.

41. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. 2 vol. / L. Talmy. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

42. Advego: Семантический анализ текста онлайн, seo-анализ текста. URL: <http://advego.ru/text/seo/>.

43. Istio: Семантический анализ текста онлайн. URL: <http://istio.com/rus/text/analyz/#top>.

44. TextAnalyst 2.0 — персональная система автоматического анализа текста. URL: <http://www.analyst.ru/index.php?lang=eng&dir=content/products/&id=ta/>.

45. Russkaya Dubrava. К 70-летию Победы. Стихотворения о войне // Русская дубрава: литератур. портал патриот. поэзии. URL: <http://literature.do.am/publ/9>.

46. Stikhi o vojne. Стихи о Великой Отечественной войне: сб. стихов // Мировая классика литературы: портал. URL: <http://bytiye.ru/temy/stikhi-o-vojne.html>.

47. Stixi-o-vojne. Стихи о войне 1941—1945 годов // Православие и мир: ежеднев. интернет-изд. URL: <http://www.pravmir.ru/stixi-o-vojne/>.

48. The Poetry of WWII // All Poetry. URL: <https://allpoetry.com>.

49. The Poetry of WWII // Poetry Foundation. URL: <https://www.poetryfoundation.org/articles/91359/the-poetry-of-wwii>.

Словари

50. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Наука, 1990.

51. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академ. проект, 2001. 990 с. (Единый гуманитарный мир / Культурология / Summa.)

Заключение

Настоящая монография сводит воедино важные лингвокультурологические и лингвоконцептуальные наработки в области русскоязычной и англоязычных лингвокультур. В первой части предпринято комплексное рассмотрение русского языка и культуры в пространстве современной коммуникации и духовных констант. Во второй части производится контрастивный анализ русской и англоязычных лингвокультур, выявляется универсальное и уникальное в лингвокультурах России, Великобритании и Америки, описывается исследование концептосфер русскоязычных и англоязычных текстов общей тематики (с применением автоматизированных методов). Важность монографии обусловлена своеобразным обобщающим вкладом в обозначенную проблематику, завершающим многолетние теоретические наработки и анализ эмпирического материала. Обозначая перспективу дальнейших штудий, следует отметить необходимость углубления рассмотренных направлений изучения лингвокультур и их диверсификации, а также использования эффективных автоматизированных методов качественной обработки материала.

Научное издание

ВОРОНЦОВА Татьяна Александровна
ГОЛОВАНОВА Елена Иосифовна
КОВАЛЕВА Ольга Николаевна
ПИТИНА Светлана Анатольевна
ШЕЛЕСТЮК Елена Владимировна

МИР ЯЗЫКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА:
ВЗГЛЯД ИЗ СОВРЕМЕННОСТИ

Монография

Корректурa *О. Е. Шишмаренковой*
Верстка *О. Е. Шишмаренковой*

Подписано в печать 10.06.21.

Формат 60×84 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 11,6.

Тираж 500 экз. Заказ 267.

Цена договорная

Челябинский государственный университет
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Издательство Челябинского государственного университета
454021, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 576